Для кого цветет лори

Автор:
Марина Суржевская

Для кого цветет лори

Марина Суржевская

Зачем цветет лори #2Эфир любви

Таких, как я, называют раянами. И много лет нас уничтожали по приказу Темнейшего владыки. Но однажды все изменилось. Проклятие разрушено, и мне суждено стать не изгнанницей, а правительницей. Но и сейчас я лишь пешка на доске сильнейших магов Сумеречной империи, которые решили получить власть цветущего лори. Правда, я устала играть по чужим правилам и жить по чужим приказам. А цветок, который я всю жизнь считала проклятием, возможно, станет моим спасением.

Марина Суржевская

Для кого цветет лори

© М. Суржевская, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Зима началась холодным ветром с моря и льдинками, падающими с неба. У берега вода покрылась льдом и стояла так, сопротивляясь дыханию севера.

Оникс потрогала носком ботинка твердый наст и вздохнула.

– Не встал еще, – прокряхтел Рысый, – не ходи.

– Да я только тронула, – улыбнулась она старику. – Сегодня без улова?

– Есть парочка, а как же, – лукаво подмигнул он, – без ужина не останемся.

Оникс кивнула, плотнее укуталась в шаль и снова застыла, рассматривая белый лед, сковавший темную воду. Эта картина почему-то наполняла ее душу одновременно и тревогой, и умиротворением. Может, оттого, что иногда она сама казалась себе такой водой, спящей под ледяным панцирем?

– Смотри-ка, никак гости у нас? – с удивлением протянул Рысый. – Это кто ж к нам пожаловал?

Оникс обернулась. Она всегда поражалась способности старика видеть так далеко, хоть и щурил он свои блеклые глаза под кустистыми бровями, но гостей рассмотрел. Сама же Оникс заметила лишь темные фигуры у края домов. И лишь присмотревшись, различила четырех всадников. С такого расстояния ни лиц, ни подробностей девушка не видела и быстро потеряла к приезжим интерес. Хоть заезжие и были редкостью в их деревушке, но все же случались. Кто проездом, кто с ночевкой. И эти тоже наверняка остановились, чтобы узнать дорогу или найти гостевой дом. У дома Ядвиги мелькнула ее цветастая шаль, значит, и сама хозяйка вышла на порог к чужеземцам.

Оникс отвернулась, снова сосредоточившись на созерцании морского пейзажа. Все же море прекрасно…

– К нам идут, смотри-ка! Рыбки прикупить надумали, что ли? Так не время для улова… – недовольно прокряхтел Рысый.

Оникс пожала плечами и недовольно поморщилась. Отвлекаться от своего созерцания и общаться с незнакомцами ей не хотелось. Порой старик недовольно ворчал, что негоже молодой девушке проводить время лишь в компании старого рыбака, скользких рыболовных сетей да морских волн, надо бы и в люди выходить, хоть с кем-то словом перемолвиться. Но раяна на его ворчание лишь улыбалась, и Рысый замолкал, хоть и вздыхал укоризненно. Но Оникс все устраивало. И никакой потребности к общению она в себе не чувствовала. Ей вполне хватало десятка слов, которыми они перебрасывались с хозяином ее домика или Ядвигой, что жила по соседству. А порой она молчала целый день, но и это ей не надоедало, к общению Оникс не стремилась.

Рысый хмурился, ворчал, но не настаивал, в душу не лез и вопросов не задавал. За это Оникс была ему благодарна. Краем глаза она заметила, что старик выпрямился, отложив свои сети, и смотрит на дома, приложив руку к лицу козырьком.

– Точно за рыбкой… – пробормотал он.

– Я, пожалуй, пойду, – вздохнула Оникс. – Улов заберу и воду поставлю на похлебку.

Она наклонилась, подбирая с земли плоскую пучеглазую рыбину. И выронила ее из рук, краем глаза уловив серебряный знак на черной одежде приближающихся мужчин. Псы…

Сердце словно разбухло, забилось в диком ритме, воздух почти сразу закончился в груди, и девушка сделала судорожный вздох, пытаясь успокоиться. Сумеречные приближались неспешно, в их движениях не было угрозы или агрессии, да и смотрели вполне доброжелательно. Трое довольно молодые, четвертый постарше. Он-то и начал разговор, когда приблизился.

– Заступников в помощь, – вежливо сказал он, внимательно осмотрев девушку и старика.

– И вам не хворать, – не слишком любезно отозвался Рысый. – Ежели за рыбкой пожаловали, то не порадуем. Лучше к Вересу сходите, у него лодка есть, и улов побогаче будет… Это туда, где дом с желтой крышей…

Сумеречный, кажется, пропустил слова рыбака мимо ушей, продолжая пристально рассматривать девушку. Оникс вскинула голову. Первый неконтролируемый страх прошел, и она заставила себя успокоиться.

– Меня зовут Санвей Шардар, второй рид лиги Гончих. У меня для вас послание, госпожа, – уверенно сказал мужчина, все так же не отрывая от нее взгляда.

Оникс не стала уточнять, откуда он ее знает или как нашел, это было глупо и бессмысленно. Да и у нее уже был случай убедиться в возможностях тех, кто вышел из стен цитадели. К тому же больше всего интересовал сейчас другой вопрос…

– От кого? – тихо спросила она. Дыхание снова сорвалось.

– От Его Величества, Владыки империи и сопредельных земель, Светлейшего Ошара.

Оникс выдохнула. Сердце вмиг прекратило свой безумный стрекот и привычно покрылось коркой льда.

– Что же передает мне Светлейший? – спросила она, стараясь не допустить в голосе насмешки. Хотя было забавно: прежний владыка именовался Темным, а нынешний – Светлейшим. Но Оникс здраво рассудила, что сумеречные могут не оценить ее чувство юмора.

Пес протянул ей желтый свиток и мягко сказал, видя, что девушка не торопится его взять.

– Если чтение для вас… затруднительно, я могу озвучить послание Его Величества.

– Не нужно, – она взяла пергамент, сломала печать с гербом империи и быстро пробежала глазами по строчкам.

И застыла. Это было приглашение. Очень настойчивое приглашение посетить императорский дворец, чтобы почтить своим визитом Светлейшего Владыку. Вежливый приказ, от которого невозможно отказаться. Но она все же

попробовала.

– А если я скажу, что у меня совершенно нет времени на эту поездку? – спросила она, холодно рассматривая Сумеречного пса.

Он вежливо склонил голову и чуть улыбнулся.

– Мне приказано сделать все, чтобы у вас появились и время, и желание, госпожа. А также находиться рядом с вами неотлучно в ожидании, когда это случится.

– Вот как…

Оникс усмехнулась. Да уж, хороша перспектива! Четверо сумеречных псов, которые будут неотлучно следовать за ней, пока она не соизволит дать согласие на поездку. Но хоть так. Пусть Ошар не оставляет ей выбора, но потрудился облечь свой приказ в видимость просьбы.

– Я буду готова отправиться в путь утром, – сказала Оникс. – Переночевать вы можете в доме Ядвиги, она пускает постояльцев.

Старший из псов кивнул и помолчал, замявшись. Несмотря на четкие указания во что бы то ни стало доставить девушку во дворец, он также получил приказ оберегать ее и ни в коем случае не вредить. Поэтому сейчас Санвей Шардар не совсем понимал, в качестве кого он повезет девушку – гостьи или все же пленницы?

Оникс снова усмехнулась, разгадав его сомнения.

– Не беспокойтесь, – спокойно сказала она. – Я не сбегу. Да и незачем… Просто не хочу отправляться в путь вечером. До Града неблизко, а я хочу отдохнуть перед дальней дорогой.

Санвей внимательно осмотрел ровную ауру девушки и снова кивнул. Раяна говорила правду.

– Мы будем ждать вас на ранней заре, – коротко сказал он и, развернувшись, ушел. Его молчаливые спутники двинулись следом.

Оникс проводила их взглядом.

– На лодке можно добраться до островов, Верес поможет… – не глядя на девушку, сказал Рысый.

Она улыбнулась и неожиданно ласково поцеловала старика в морщинистую щеку.

– Спасибо, – спокойно сказала она опешившему рыбаку. – Но я больше не хочу убегать. Не переживайте, со мной все будет хорошо.

Старик покачал головой, с любопытством посмотрел на задумавшуюся девушку. Но расспрашивать снова не стал.

* * *

Солнце только окрасило горизонт красной полосой, когда Оникс в окружении сумеречных выехала из рыбацкой деревушки. На прощание она крепко обняла Рысого, имени которого так и не узнала, только странное прозвище, которым он представлялся. Старик по привычке ворчал, но прятал глаза.

– Будь осторожна, девочка, – вздохнул он, – хотя, может, к лучшему… не место тебе здесь, ох не место! Другая ты. И жизнь у тебя должна быть другая, уж поверь мне, старому рыбаку! Заступников тебе в помощь, Оникс…

Так что уезжала она с грустью, за прошедшие месяцы, оказывается, успела привязаться к немногословному старику. Сумеречные вели себя вежливо, даже почтительно, Санвей Шардар, увидев, что Оникс кутается в старый истертый плащ, накинул ей на плечи меховой – тяжелый и теплый.

– Не отказывайтесь, – твердо сказал он. – У меня приказ доставить вас в Град в добром здравии. А я буду делать все для того, чтобы этот приказ выполнить.

Девушка кивнул. Она и не собиралась отказываться. Ненужными нормами приличия она уже не мучилась, к тому же была слишком практична, чтобы зимой отказаться от теплой одежды из глупых предрассудков. Однако, несмотря на вежливое обращение и заботу, на вопросы девушки второй рид не отвечал, уклончиво отговариваясь тем, что не уполномочен. После нескольких попыток раяна от него отстала. Трое сопровождающих даже не назвали своих имен, и через какое-то время Оникс стала их воспринимать как бездушные тени.

И еще она заметила, что никто из сумеречных к ней благоразумно не прикасается. Значит, осведомлены, что она раяна. И хоть цветок на спине Оникс полгода уже был закрыт и не источал запаха, она привычно избегала любых прикосновений. Даже до рыбацкой глуши, в которой проживала все это время Оникс, докатились слухи о том, что заклятие пало, а раян больше не преследуют. Правда, людская молва представляла произошедшее совершенно немыслимым образом, и то, как именно умер Темный Владыка, в устах людей приобрело чудовищные по своей абсурдности формы. Рассказывали о монстрах, напавших на дворец, и о нашествии великанов из сопредельных земель, и о том, что убил Владыку собственный сын, чтобы занять престол. Разговоры ходили разные, один другого безумнее. Хотя в их деревеньке все эти домыслы занимали людей мало, гораздо меньше, чем неурожай яблок или разорванные рыбой-стрелой сети. Темный Град был так далеко, что порой казался людям выдуманным вместе с императором, дворцом и свитой…

А Оникс, которая слишком хорошо знала, насколько все это правда, не спешила просвещать местных жителей.

Она сидела на смирной лошадке, задумчиво рассматривая пейзаж. Они ехали уже десятый день, и море давно осталось позади. Дорога стала оживленнее и похожа на тракт, а не просто направление с путевыми столбами. Ночевали они всегда в домах, и девушке выделяли отдельную комнату. И даже не запирали, хотя один из псов всегда караулил под ее дверью. «Для безопасности госпожи», – пояснил Санвей. Раяна только пожала плечами.

Она раздумывала, для чего могла понадобиться Ошару, но так и не нашла ответа. Что нужно от нее новоявленному императору, зачем он приказал доставить ее в Град? И что ждет ее в этом городе, который порой снился в кошмарных снах? И кто?

Привычно тронула рукой шею, на которой висело на веревочке тусклое кольцо из антанита. И так же привычно отдернула ладонь. Она так и не открыла эту дверь…

На десятый день четкую линию горизонта нарушили очертания города. Они подъезжали к столице, и Оникс плотнее укуталась в плащ, ниже опустила голову, пряча лицо в капюшон. Как ни храбрилась она, а это необъяснимое приглашение во дворец страшило ее. В свой единственный визит в столицу Оникс не успела увидеть и оценить красоты города, лишь грустно усмехнулась, понимая, что и сейчас совсем не хочет этого делать.

Дворец вырос перед ними во всем своем блеске и великолепии, но ее стражи-сопровождающие не стали задерживаться, сразу повели Оникс внутрь. И почти сразу второй рид распрощался, передав ее в руки статной прислужницы.

– Меня зовут Риа, госпожа, – представилась она. – Прошу вас следовать за мной.

То ли в коридорах дворца правда было пусто, то ли Риа провела ее тайными коридорами, но по дороге Оникс никто не встретился. Прислужница открыла перед девушкой высокие двустворчатые двери.

– Ваши покои.

Комнат оказалось две, в глубине, за небольшой дверцей скрывалась купальня, где уже исходила паром вода. Оникс застыла посреди роскошной комнаты, не решаясь ступить грязными сапогами на цветной ковер и настороженно осматриваясь. Здесь, несомненно, было красиво, но пока это лишь пугало Оникс, а не радовало.

– Здесь платья, чулки, ленты, сорочки, – показывала между тем Риа, легко двигаясь по комнате. – После омовения я помогу вам одеться и заплести волосы. Или прежде госпожа желает ужинать?

– Нет… – пробормотала Оникс, – прежде купель… и я сама, благодарю.

Прислужница никак не выразила свои эмоции, молча наблюдала, как раяна сняла плащ и сапоги, а потом по краешку ковра на носочках прошла к купели.

Внутри она сняла пыльное платье, распустила косы и со вздохом наслаждения опустилась в ароматную воду. Пока с ней действительно обращались как с гостьей, но, несмотря на это, Оникс не обманывалась. Пусть и в роскоши, но она пленница, и теперь главное – узнать, что именно потребовалось от нее новому Владыке. Расспрашивать прислугу бессмысленно, к тому же она наверняка все докладывает господам.

Неторопливо вымывшись, Оникс вернулась в комнату. Прислужница все так же стояла в углу, ожидая приказаний.

– Риа, вы можете идти, я хочу отдохнуть. Скажите, когда я смогу увидеться с Его Императорским Величеством?

– Светлейший Владыка вас позовет, – чуть склонив голову, ответила та и указала на колокольчик. – Если я буду нужна, позвоните, госпожа.

Оникс кивнула, и девушка удалилась. Несмотря на усталость, спать не хотелось. Через час раяне принесли ужин, она поела, а также смогла убедиться, что за дверью ее комнаты караулит сумеречный.

– Мне нельзя выходить из комнаты? – спросила она.

– Конечно, можно, госпожа, – пес вежливо поклонился. – Мне велено сопровождать вас, если вы решите прогуляться. Но смею посоветовать остаться в ваших покоях, во дворце нынче… прохладно. Вы можете захворать.

– У меня теплый плащ, – так же любезно ответила Оникс, выходя в коридор. Она неторопливо прогулялась по крылу, рассмотрела фрески и фонтанчики, постояла у высокого витражного окна. Летние террасы были закрыты, а в следующее крыло ее не пустили. Так что, побродив бесцельно, Оникс решила вернуться в свои комнаты. На дворец мягко опустилась ночь, а усталость все же взяла свое. Свернувшись клубочком на огромной постели, Оникс уснула.

…Белые хлопья снега казались пушистыми бабочками. Она стояла посреди поля в легком зеленом платье, с распущенными волосами, и совсем не мерзла. Напротив, ей было тепло, даже жарко. Она чувствовала румянец, что алел на

щеках, и в который раз сжимала нервно ладони, всматриваясь в белую круговерть стихии. Оникс ждала… Темная фигура мужчины шагнула из снежной пелены, остановилась в шаге от девушки, внимательно глядя на нее. Он ничего не говорил, только смотрел, и зелень его глаз темнела до цвета грозовых сумерек. Но во взгляде мужчины не было упрека, только вопрос.

На который Оникс никогда не отвечала.

Глава 2

Она проснулась на рассвете, быстро умылась. А когда Риа постучала в дверь, уже стояла у окна полностью одетая, благо ее платье за ночь кто-то привел в порядок. Такая прыть, кажется, удивила вошедшую прислужницу, по ее равнодушном лицу все же скользнуло удивление.

– Госпожа, я думала, вы еще спите…

– Я не госпожа, – спокойно сказала Оникс. – И последние полгода прожила в рыбацкой деревушке, где встают до восхода солнца. Скажи, Риа, Светлейший Владыка что-нибудь передавал для меня? Он готов со мной встретиться?

– Повелитель примет вас в Зале Памяти, госпожа. Он приглашает отобедать с ним.

В голосе прислужницы снова скользнуло удивление. Видимо, она все никак не могла понять, за что безродной гостье без манер и должных нарядов такая честь. Оникс не была сведуща в дворцовом этикете, но даже она понимала, что далеко не всех гостей Его Величество приглашает разделить трапезу.

Но, вместо того чтобы обрадовать, это лишь испугало раяну. Она предпочла бы держаться подальше и от столицы, и от Владыки, кем бы он ни был.

– Я буду готова через час, – медленно кивнула она.

– Через час? – откровенно изумилась прислужница, всплеснув руками. – Что вы, госпожа! Нам понадобится несколько часов, чтобы уложить ваши волосы, подобрать наряд и должным образом подготовить ко встречи с Владыкой…

– Я буду готова через час, – повторила Оникс. – К тому же ваша помощь мне не требуется, Риа.

– Но…

Оникс молча смотрела на прислужницу, и та удалилась, поджав недовольно губы. Вероятно, понеслась советоваться с кем-то из старших. Оставшись в комнате одна, раяна подошла к большому зеркалу, замерла, всматриваясь в отражение. Из глубины зазеркалья на нее смотрела незнакомка. Коричневое платье с глухим воротом и удобной застежкой спереди, белые волосы уложены в тугой пучок. Такую прическу раяна впервые увидела у рыбацких супружниц, они туго стягивали волосы и закручивали на затылке, чтобы не мешали. Платков там не носили, только зимой для тепла, и Оникс тоже не стала закрывать волосы.

На ногах у девушки были привычные, растоптанные сапоги, а на руках перчатки из грубой кожи, что защищали от холодного ветра с моря. Другой одежды у нее не было, а к нарядам, что висели в массивном шкафу, Оникс не прикоснулась. Она всю жизнь жила более чем скромно, а некоторые предметы обихода, например хрустальную посуду, и вовсе впервые увидела в Синих Скалах.

И стоило подумать об этом, стоило памяти лишь коснуться тех дней легким крылом воспоминаний, как сердце обожгло болью, а дышать стало нечем.

Раяна закрыла глаза. Подышала, уже привычно прогоняя образ, что, казалось, впечатался в нее, врос в нутро, черными ожогами расчертил всю сущность Оникс! Или порезами от ЕГО ножа. Разукрасил кровавыми полосами – только не тело, а душу.

Она сжала виски, прогоняя воспоминания. Не думать. Не вспоминать. Забыть. Ей это почти удалось!

Открыла глаза и вновь посмотрела в зеркальную глубину. И теперь синие глаза девушки из зазеркалья смотрели почти спокойно, не выдавая бури, что бушевала внутри. Оникс это понравилось.

Через час Риа снова постучала в дверь, окинула раяну презрительным взглядом и, вскинув голову, прошагала в коридор. Оникс пожала плечами и двинулась следом. Сумеречный безмолвной тенью возник рядом, но девушка лишь кивнула ему, хотя тот и не ответил.

На этот раз раяну пустили в другое крыло, видимо, здесь располагалась жилая часть дворца, а также гостевые покои для важных персон, потому что коридоры сияли драгоценными панно, мягко журчали фонтаны и переливались золотые и серебряные люстры, канделябры, каминные полки и украшения стен. От блеска и мерцания радужных искр хотелось закрыть глаза, роскошь ослепляла и подавляла, внушала трепет перед величием дворца, и Оникс в своем более чем скромном платье и старых сапогах почувствовала себя здесь неуютно и неуместно. Но тут же тряхнула головой. Наряжаться в чужие платья она не хотела. А этот дворец со всей его обстановкой и порядками был словно такое платье: красиво, роскошно и… не нужно. Больше всего раяна сейчас хотела вновь оказаться на берегу моря, возле старой лачуги Рысого.

Так, задумавшись, Оникс дошла до очередных дверей, огромных, в два человеческих роста. При их приближении стража распахнула створки, а Риа присела и попрощалась с раяной.

Так что в Зал Памяти Оникс вошла одна. Очевидно, это помещение получило свое название за бесконечное количество портретов, украшавших стены. С темных холстов холодно взирали императоры и императрицы, словно провожали взглядами одинокую фигуру девушки. Оникс расправила плечи и пошла к камину, возле которого был накрыт небольшой круглый столик, а в кресле сидел Светлейший Владыка. Его каштановые волосы были собраны в низкий хвост и скреплены заколкой с синими камнями, голубые глаза смотрели внимательно, на губах застыла улыбка. На Владыке были темные штаны, синяя рубаха, расшитая золотыми нитями и парчовый камзол. В соседнем кресле расположился пожилой мужчина в черном мундире, с серебряным знаком цитадели на груди.

При приближении девушки Ошар поднялся, его улыбка стала шире.

– Оникс! Рад тебя видеть! Удивительно, но ты стала еще красивее! – он шагнул ближе, скользнул взглядом по ее платью, нахмурился. – Тебе не понравились наряды, которые выбрали для тебя? Они не подошли? Я прикажу подобрать другие.

Оникс присела в неумелом реверансе. Получилось не слишком грациозно, но смущения по этому поводу она не испытывала, в конце концов, ее учили провожать умерших к Вратам, а не общаться с Владыкой!

– Наряды прекрасны, мой повелитель, но мне привычнее в моем платье, – спокойно ответила она. – Благодарю за заботу и простите, если мой вид… оскорбляет вас.

Ошар вдруг рассмеялся.

– Оникс, так непривычно слышать от тебя такие речи. Где девчонка, которая лезла на балкон гостевого дома по связанным простыням и любила сладкое? Верни ее немедленно!

– Она повзрослела, мой повелитель, – без улыбки сказала Оникс.

– К сожалению, это неизбежно случается со всеми нами, – чуть грустно сказал Владыка, а раяна с удивлением поняла, что Ошар вовсе не так весел, как хочет казаться. Под голубыми глазами молодого мужчины залегли темные тени, а в уголках рта обозначились горькие морщины. Но он тут же снова улыбнулся, поманив девушку к столу. – Пообедаешь со мной? Присаживайся.

Раяна опустилась в кресло, с недоумением осмотрела ряд столовых приборов и подняла глаза на владыку. Сумеречный в кресле все так же молчал, его Ошар не представил. Осмотревшись, Оникс решительно взглянула повелителю в лицо.

– Я не знаю ничего о дворцовых порядках, мой повелитель, – сказал она, – и, возможно, не имею права задавать вопросы… но все же… Зачем я здесь?

Ошар со вздохом отложил вилку, которую вертел в руке.

– Ты права, Оникс, – сказал он, – думаю, перед обедом стоит прояснить некоторые моменты. Я хотел сделать это позже, но вижу, что нет смысла тянуть. Для начала я задам тебе несколько вопросов.

Она кивнула.

– Итак… Когда последний раз ты видела Рана Лавьера?

И хотя девушка ожидала подобного вопроса, но не смогла удержать легкой дрожи пальцев. Она сжала ладони, пытаясь скрыть эти признаки собственного волнения, сложила руки на коленях.

– Последний раз я видела его в путевом доме, перед арестом. Когда он… излечил меня от раны. Больше мы не встречались. Это было почти год назад.

– Ты что-нибудь знаешь о его местонахождении?

– Нет, мой повелитель.

– Он не искал с тобой встречи?

– Нет.

– И ты не знаешь, где он может быть?

– Нет.

Ошар бросил вопросительный взгляд на сумеречного, тот кивнул. А Оникс поняла, что этот пес находился здесь, чтобы подтвердить ее слова. Или уличить во лжи.

Но она говорила правду, понимая, что нет смысла врать магам.

– Хорошо, – кивнул повелитель, знаком отпуская сумеречного. Тот вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Ошар встал, прошел по комнате, заложив руки за спину и о чем-то напряженно раздумывая. Камни на его рубашке разбрызгивали по комнате радужные искры, сияли под светом ламп, а Оникс сидела молча, ожидая, когда повелитель заговорит. Наконец он резко остановился, подошел к столу, залпом выпил стакан воды.

– Думаю, мы можем обойтись без долгих вступлений, – сказал он. – Тебя привезли во дворец с одной целью – стать моей женой.

Оникс так опешила от этих слов, что даже не сразу поняла их смысл. А поняв, не смогла сдержать изумленного возгласа.

– Женой?! Вы шутите, мой повелитель?!

– Нисколько, – он сел в кресло напротив. – Скажи, Оникс, что ты знаешь о событиях, которые произошли в империи за этот год?

– Почти ничего, – ответила она. – Я жила довольно далеко от столицы, в той деревушке люди не слишком интересуются дворцовыми… происшествиями.

– Хорошее место, наверное, – вздохнул Ошар. – Я бы не отказался там немного пожить, – в его глазах снова мелькнула горечь. – Видишь ли… после смерти отца многое изменилось. И не в лучшую сторону. Империя на грани войны, народ ропщет, столицу раздирают бесконечные восстания, сдерживать которые становится все сложнее…

– Но разве не этого хотел народ? – изумилась Оникс. – Свержения Темного Владыки, избавления от тирана? Простите…

– Не извиняйся. Я прекрасно знаю, кем был мой приемный отец. Да, тираном и деспотом. Но ужас перед ним и его магической силой держал в подчинении империю и в страхе соседние королевства. Первое время после его смерти всех охватило ликование, люди думали, что теперь начнется период благоденствия…

– А этого не произошло, – заключила Оникс.

– Увы, – Ошар отпил еще воды. – Прошедший год был на редкость неурожайным, а эта зима уже сейчас обещает быть суровой. И это плохо, Оникс. Очень плохо. Видишь, я довольно откровенен с тобой, надеюсь, ты это оценишь. На границах неспокойно, и лазутчики присылают весьма тревожащие донесения. А народ… Люди хотят чуда, Оникс, но чудес не бывает. – Горечи в голосе Владыки стало больше. – Нельзя за один год восстановить почти разрушенную империю, понимаешь? А ждать никто не хочет…

– Мне… жаль, – тихо сказала девушка. Ей действительно было жаль молодого правителя, кажется, бремя власти оказалось для него непосильным грузом.

– Ты могла бы мне помочь, Оникс, – негромко сказал он.

– Я? Но как?

– Как я уже сказал… Стать моей женой.

– Простите, мой повелитель, я не понимаю, чем это поможет империи. Или вам, – с недоумением протянула девушка.

– Ты можешь стать тем самым чудом, которого ждут люди, – глядя ей в глаза, ответил Ошар. – Ты раяна, Оникс. Более того, ты та самая раяна, которая сняла проклятие Темного Владыки! Неужели ты не знаешь, что о тебе уже рассказывают легенды и поют песни? Люди говорят о тебе в своих домах за скромным ужином, они утешаются этой историей, когда им нечего есть или нечем согреться… Ты для них – идеал! Монахиня, синеглазая дева, столь чистая и непорочная, что свет ее поразил тирана… А красота и доброта покорили сердце принца. Это такая красивая история, Оникс, разве ты не понимаешь? – он усмехнулся, поднял ладонь, словно хотел взъерошить волосы, но отдернул. Отвернулся. И продолжил уже тише: – Ты – самое настоящее чудо, а значит, можешь стать символом новой империи, надеждой на лучшее будущее. Люди любят такие истории – принц, влюбившийся в простую девушку. Они верят им, несмотря на то что таких историй не бывает. Но люди хотят чуда, Оникс, и мы с тобой дадим им это чудо!

Оникс выдохнула, сжала руками виски. Слова владыки не укладывались в ее голове, ей все еще казалось, что это какая-то шутка! От нереальности происходящего хотелось ущипнуть себя за руку и проснуться! Она ожидала чего угодно, но только не этого. Оникс даже готова была к тому, что ее вновь решат казнить, но… свадьба? С владыкой? Такое ей не могло привидеться и в горячке!

– Но это невозможно! – почти простонала она. – Я безродная монахиня… сирота… никто! Я даже не знаю, для чего нужны все эти вилки, что лежат на столе! Я не могу стать вашей женой! Я не могу стать… императрицей! Это какой-то бред!

– Поверь, это не бред, – чуть улыбнулся Ошар. – Это то, что рекомендуют сделать мои советники. Весьма неглупые люди, уверяю тебя. И могу сказать, к этому совету я с удовольствием прислушаюсь.

– Но…

Оникс замолчала, с ужасом понимая, что все происходящее – правда. И что Светлейший Владыка, повелитель империи, на самом деле предлагает ей стать его женой. Хотя нет. Не предлагает. Он ставит ее в известность. Оникс давно избавилась от наивной веры в справедливость этого мира. Пусть Ошар улыбается, пусть даже общается с ней доверительно и дружески, но вряд ли у девушки есть выбор или возможность сказать «нет». Хитрые советники решили за счет раяны упрочить власть молодого императора, расположить к нему народ, а мнение самой раяны уже никого не волновало.

Или просто никому даже в голову не пришло, что найдется такая безмозглая, которая не захочет стать императрицей и сменить убогую рыбацкую лачугу на роскошный королевский дворец!

А вот нашлась… Потому что Оникс совершенно, категорически не хотела становиться женой Светлейшего.

Видимо, это нежелание довольно ясно читалось на ее лице, потому что Ошар на миг нахмурился, помрачнел, но тут же улыбнулся.

– Оникс, я понимаю, что все сказанное пугает тебя. Ты выросла в глуши, в Обители Скорби, и, конечно, подобная обстановка… непривычна. Но не делай поспешных выводов. Побудь моей… гостьей. Поживи во дворце, посмотри столицу. Думаю, в свой последний визит ты мало что видела. Возможно, через какое-то время ты посмотришь на мое предложение другими глазами. Ты согласна?

Оникс медленно кивнула. Она не обманывалась этой иллюзией свободы. Никакого выбора у нее не было, это очевидно. Но все же решила проверить.

– Мне оказана великая честь, мой повелитель, – сказала она, глядя Ошару в глаза, – но, боюсь, эта ноша для меня слишком… велика! Простите…

– Думаю, ты гораздо сильнее, чем кажешься, Оникс, – чуть поморщившись, сказал он, отметая ее возражения. – И наедине называй меня по имени. Все же теперь ты можешь считать себя моей невестой, нам стоит привыкнуть друг к другу.

Оникс промолчала, сцепив ладони. Вот теперь она поняла совершенно точно, что снова стала пленницей, пусть и в золотой клетке. Она отдернула руку, что бессознательно потянулась к кольцу на шее. Да, у нее есть ключ, с помощью которого она может сбежать, но куда? Куда ей бежать? Снова в рыбацкую деревню? Или в Обитель? Где спрятаться от власти империи и правителя, вознамерившегося использовать раяну в своих целях? К морю? Так найдут, в этом Оникс не сомневалась. И тогда уже не будут с ней столь вежливы, просто посадят под замок!

Оникс чуть заметно усмехнулась. Прежде у нее был выбор: умереть или жить в бегах, прячась от людей; теперь: так же прятаться или стать… императрицей. Воистину, небесные заступники избрали ее любимой игрушкой и вовсю веселятся, перекраивая судьбу раяны.

И понимая, что выхода у нее нет, Оникс медленно кивнула.

– Возможно, вы правы, мой повелитель… Ошар. Мне стоит посмотреть дворец и столицу. Думаю, это… интересно.

– Поверь, это так, – уже свободнее улыбнулся Ошар, кивнул на приборы: – А в этом легко разобраться, не переживай. С завтрашнего дня у тебя будут учителя, которые научат всему необходимому. А пока можешь есть, как привыкла, не смущайся.

Оникс с трудом удержалась от усмешки. Вот как, значит, и учителя уже ожидают? А говорит – осмотрись, погости…

– Благодарю вас, мой повелитель, – сказала она, – тогда прикажите принести мне ложку.

* * *

Новый день для Оникс начался со знакомства с наставниками. Их было двое: пожилая, прямая и плоская, как доска, Лорея Олентис и бородатый, похожий на медведя, господин Клиф. Чему именно они будут учить ее, Оникс до конца не поняла, потому что они явились в ее покои на рассвете и сразу принялись обсуждать девушку, поджимая губы и досадливо морщась. Раяна уже хотела возмутиться, но тут Лорея сухо бросила:

– Следуйте за нами.

Учителя молча вышли за дверь, а Оникс последовала за ними скорее из любопытства. Но когда она вошла в комнату, где должны были проходить их занятия, поняла, что пропала. И, пожалуй, задержится во дворце… на какое-то время. Потому что в длинном и сухом помещении было то единственное, что всю жизнь вызывало у Оникс дрожь предвкушения и чистый восторг. Вдоль стен высились стеллажи, а на них, за стеклянными дверцами, ровными рядами стояли… книги! Их было так много, что раяна благоговейно застыла, с детским восторгом рассматривая толстые кожаные корешки. И даже не заметила, как переглянулись ее учителя, а леди Олентис вздернула бровь то ли в насмешке, то ли в удивлении. Все это уже Оникс не интересовало, она увлеченно шевелила губами, читая золоченые, черные и синие названия, зачарованно трогая кончиком пальца желтые пергаментные листы. Конечно, книги не были редкостью в их мире, но для нищей монахини они всегда были недоступной роскошью.

К тому же у Оникс накопилось много вопросов. Ей пора узнать, кто она и что за цветок отравляет ей жизнь. И сейчас она готова к ответам. Так где еще, если не во дворце, их искать?

А значит…

– Пожалуй, я немного здесь задержусь, – ни к кому не обращаясь, пробормотала Оникс.

Глава 3

Через два месяца ее вызвал к себе Ошар. Несмотря на уверения в собственном расположении, за прошедшее время владыка ни разу не счел нужным пообщаться с невестой. Впрочем, Оникс это только радовало, она тоже не стремилась к его обществу. Да и некогда было. Учителя ей достались на редкость въедливые и вредные, кажется, они вообще не задумывались, что девушке надо спать или иногда есть. Ее загрузили обучением так, что Оникс даже вздохнуть было некогда. Смена ее жизни, столь резкая и удивительная, заставляла голову кружиться. После размеренных, спокойных и молчаливых будней на берегу рыбацкой деревушки дни во дворце напоминали сияющий фейерверк, ослепляющий и кружащий голову.

Уроки начинались с раннего утра, еще до восхода солнца. Ее учили множеству вещей, о которых бывшая монахиня не имела понятия, – танцам, этикету, манерам, речи, умению вести себя за столом и в обществе. Из госпожи Олентис вышел бы отличный надзиратель в цитадели, она получала истинное удовольствие, описывая Оникс все ее недостатки. Правда, тут же с рвением бралась за их устранение. От жестких корсетов и тяжелых платьев у раяны болела спина; вилки, ножи, палочки и щипцы, бесконечными рядами выложенные у ее тарелки, она просто ненавидела, а уловить хрупкую грань между обращениями «мой господин», «орт-господин» или «ар-господин» не представлялось возможным.

– Вы удивительная бездарность, милочка, – с удовольствием припечатала госпожа Олентис, когда Оникс снова перепутала, к кому и как следует обращаться. – Разве это так сложно запомнить? У вас в голове что, солома? Отвратительно!

– Да я раньше даже не знала, что существуют эти ваши орты! – разозлилась раяна. – Зачем все так усложнять? Называли бы всех одинаково!

– Ваш примитивный разум пытается оспорить то, что создали лучшие умы империи? – поджала губы Лорея. – Вам это не удастся. Поэтому начнем с самого начала…

Оникс взвыла и тут же заработала очередной пренебрежительный взгляд наставницы.

– Прекратите вести себя, как бродяжка!

– Я и есть бродяжка! – окончательно разозлилась раяна. – И не поверите, но с удовольствием ею бы и осталась!

– Это говорит о слабости вашего духа и трусости, – с усмешкой отбила Олентис. Спорить с ней было бессмысленно, наставница всегда находила аргументы, в прах разбивающие все доводы Оникс. – Гораздо легче быть никчемной шавкой, чем достойным человеком. На это не нужно ни ума, ни воли. Лишь жалость к себе, которой у всех в избытке.

– Достоинство не измеряется знанием нужных вилок или умением ходить на каблуках, – Оникс с отвращением посмотрела на свои ноги, обутые в парчовые туфли. И кто сказал, что жизнь во дворце – сказка? Да одни эти заколки и ленты чего стоят, у нее скоро голова отвалится от их количества в волосах!

Раяна отвернулась от осуждающего взгляда наставницы. Ответить Олентис не успела, потому что вошедшая прислужница склонилась в поклоне.

– Повелитель ожидает госпожу Оникс в сводчатой гостиной. Я провожу вас.

Оникс поднялась, радуясь хоть какой-то передышке, двинулась к двери, а наставница не упустила случая уколоть:

– Спину ровнее! И глаза опустите, что за привычка на всех пялиться! Невыносимое невежество!

Оникс лишь плечами пожала. Спина, сдавленная жесткой планкой под платьем и так выглядела ровнее доски, а опускать глаза раяна не собиралась даже перед повелителем. В конце концов, она действительно лишь безродная бродяжка!

Ее провели в небольшой кабинет, на этот раз Ошар был один.

– Оникс, ты прекрасно выглядишь! – он улыбнулся, с удовольствием рассматривая яркое платье и красиво уложенные волосы. С этим девушке пришлось смириться сразу, она действительно не могла ходить по дворцу в своем единственном рыбацком наряде. К тому же ее и не спрашивали, наутро раяна просто не нашла своей одежды там, где оставила вечером. Теперь ее каждый рассвет одевали и причесывали, а Оникс в это время пыталась

подремать.

– Благодарю вас, повелитель. – Реверанс у раяны тоже стал получаться лучше.

– Тебе понравился дворец? Ты всем довольна?

– У меня мало свободного времени на недовольство, – она слегка улыбнулась. – А дворец… Я пока видела лишь ту часть, в которой меня поселили.

– Они все одинаковые, – Ошар пренебрежительно махнул рукой и указал на кресло. – Присаживайся. Я помню свое обещание показать тебе столицу, через два дня у тебя будет такая возможность.

Оникс заинтересованно подняла голову.

– Правда?

– Вижу, что порадовал, – рассмеялся Ошар, усаживаясь напротив. Прислужник неслышной тенью скользнул рядом, подавая им бокалы с вином.

– Очень. – Оникс осторожно поднесла к губам хрупкий бокал. – Если честно, мне ужасно надоело сидеть в четырех стенах! Даже таких роскошных.

Надоело – это Оникс еще сильно смягчила. Ее уже тошнило от дворца!

– Понимаю, – повелитель снова сверкнул улыбкой. – К тому же госпожа Олентис способна довести до обморока кого угодно. Думаю, прогулка тебя порадует. Правда, это не совсем обычная прогулка… – Ошар замолчал, потягивая янтарный напиток, а Оникс насторожилась. Вот чувствовала она, что не стоит ждать от повелителя подарков!

– Не совсем обычная?

– Да. Мы решили, что тебя пора представить народу как освободительницу от тирана и мою нареченную.

– Что? – Она вскочила. – Но ведь прошло так мало времени!

– Некогда ждать, Оникс, – Ошар, нахмурившись, отставил бокал, сжал зубы. Потом качнул головой и снова улыбнулся. – Мы должны показать тебя уже сейчас!

А Оникс с ужасом представила, что за прогулку ей предлагает владыка. То, как ее будут рассматривать сотни незнакомых людей, глазеть, показывать пальцем… Небесные заступники! Она в волнении сжала руки. Госпожа Олентис мигом бы заметила, что это жест простолюдинки, но думать о наставнице раяне сейчас точно не хотелось.

– Прогулка, значит, – медленно протянула она, не спуская глаз с Ошара и заставляя себя успокоиться. Усмехнулась. – Ну да.

Он улыбнулся, ни капли не смущенный.

– Интересы империи всегда важнее наших собственных, Оникс, тебе стоит к этому привыкнуть.

Раяна промолчала, не видя толка в бессмысленном споре. И Ошар пожелал ей хорошего отдыха перед выездом, показывая, что разговор окончен. Снова присев, Оникс покинула гостиную.

Когда дверь за девушкой закрылась, владыка постоял, задумавшись, и не повернул голову на бесшумное появление старшего советника. Тот слушал разговор, находясь в потайной комнате. Во всем дворце таких помещений было множество.

– Госпожа Олентис говорит, что у девушки есть характер, – негромко сказал Ошар, вновь беря хрустальный бокал и любуясь игрой света на гранях.

Советник склонил голову. Он был одним из тех, к кому прислушивался даже Темный Владыка, незаметная тень за спиной властителя. Господина Итора побаивались, говорили, что он тоже из бывших учеников цитадели, правда, наверняка никто не знал, есть ли у него дар. Зато все отмечали его блестящий ум.

– Но она еще не готова, – Ошар взъерошил волосы и сел в кресло. – Прошло слишком мало времени!

– Мы не можем ждать, мой повелитель. Надо представить раяну двору и народу, посмотреть, как ее примут, – Анрей Итор садиться не стал, так и стоял, чуть склонив голову и заложив руки за спину. Но Ошар прекрасно знал, что это не знак почтения, просто советнику так было удобнее. Смотреть свысока. Между тем тот продолжил:

– Мы представим девушку как вашу невесту, дадим людям сплетню вместо хлеба, и на какое-то время это заткнет им рты. Впереди зима, это будет непростое время. Слишком плохой урожай, слишком много недовольных. У нас два варианта. Если раяну примут, то мы сделаем из нее вашу невесту, облачим в сверкающие одежды надежды и провезем по империи как живую святыню. Если не примут, то она же станет виновницей произошедшего, будем показательно судить, а после – сожжем на костре. Людям всегда нужен виновник, так почему не она? – Анрей Итор усмехнулся, а Ошар поморщился.

– Я предпочел бы первый вариант.

– Даже если и так, вы ведь понимаете, мой повелитель, что эта девушка – лишь временные меры? Ваши наследники должны родиться от особы королевской крови, а не от безродной девчонки. Она укрепит ваше положение, если люди поверят ей, сделает вас героем. А к следующей зиме просто исчезнет. Несчастный случай или болезнь… Женское тело такое хрупкое, – советник смахнул с рукава невидимую соринку. – Конечно, вы будете страдать. Показательно, но не очень долго. А затем возьмете в жены одну из принцесс сопредельных королевств. Вероятнее всего, Чиара, нам нужна их армия и ресурсы. И, что немаловажно, поговаривают, что принцессы обладают особыми талантами и эликсирами, позволяющими им зачать даже от сумеречного мага.

– Это все сказки, Анрей. Нет таких эликсиров. Король Чиара всего лишь пытается дороже продать своих дочерей, – скривился Ошар.

Советник улыбнулся уголком губ.

– Вы правы, мой повелитель. Но мы всегда можем сделать вид и пустить слух, что такой эликсир есть. Приготовленный исключительно для Светлейшего

Владыки.

Ошар мрачно посмотрел на безупречного Анрея, скривился, но все же кивнул.

– Что ж… Давайте для начала представим Оникс двору и народу.

– Вы, как всегда, правы, мой повелитель, – господин Итор склонил голову. В прозрачно-серых глазах не промелькнуло ни одного чувства. Порой Ошару казалось, что внутри советника скрывается пустота, а за безупречными нарядами, украшенными богатой вышивкой, драгоценными перстнями и камеями, что скалывали складки белоснежного жабо, таится ледяная скульптура. Или бесчувственная деревяшка. Впрочем, было бы глупо ожидать проявления эмоций от выпускника цитадели.

– Кстати, – Ошар поднял голову, – Лавьера еще не нашли?

В глазах советника на миг расширился зрачок, но лишь на миг. Итор покачал головой.

– Мы его найдем, мой повелитель. Без дара ему долго не продержаться, псы все равно возьмут след.

– Вы не думаете, что ему кто-то помогает? – чуть раздраженно бросил владыка. – К тому же снова пошли эти слухи о Каяре – народном освободителе! Небесные, когда это закончится?! Только теперь сместить собираются меня, возведя Лиса на трон! Просто насмешка какая-то, господин советник!

– Мы с этим разберемся. Поэтому и надо вывести раяну в свет уже сейчас, чтобы отвлечь людей от ненужных и крамольных мыслей. Им нужно о чем-то говорить, так пусть говорят о вашей невесте. Красивая и загадочная женщина – лучшая пища для сплетен, не так ли? Не только Лавьер умеет сочинять байки, мы тоже сумеем. Представьте раяну народу. Речь для вас я подготовил.

– Ну что ж, – Ошар махнул рукой, показывая, что и эта аудиенция закончена. – Надеюсь, все-таки первый вариант…

Советник промолчал, лишь в глубине серых глаз мелькнуло презрение. Хотя, возможно, Ошару это лишь показалось.

* * *

…Мужские руки сжимают запястья почти до боли, до синяков, не давая пошевелиться. Держат вздернутыми над головой, прижатыми к грубому сукну покрывала.

– Назови мое имя, раяна…

Она молчит. Молчит упрямо, хотя и знает, что проиграет в этой борьбе. Она всегда в ней проигрывает, не в силах сопротивляться власти этого мужчины. Он поработил ее тело, заставил желать этих опасных игр, этого чувственного наслаждения на грани боли, на тонком лезвии его клинка… И тело раяны уже сейчас дрожит в предвкушении, уже не ждет, а жаждет, уже томится от мучительного и сладкого ожидания. И он знает об этом. Улыбается, прижимая ее к кровати сильным телом, наклоняет голову. Проводит языком вдоль скулы до мочки, облизывает и прихватывает зубами. И даже это простое действие заставляет Оникс почти застонать, хоть она и пытается сдержать этот порочный звук, загнать внутрь себя… Хоть на несколько минут отсрочить свое падение в этот омут, в темную бездну искушения, боли и чужой власти…

– Назови мое имя…

Она отворачивается, сжимая зубы.

Он смеется. И целует ей шею. Легкое, влажное прикосновение языка к пульсирующей вене… С ним никогда не знаешь, когда поцелуй обернется укусом, а ласка – болью… И от этого ей страшно. Или сладко? Ее тело вибрирует и дрожит, и Оникс вновь пытается с этим бороться, но…

– Упрямая раяна…

Мужская ладонь перемещается, скользит по телу, задевая соски, чуть царапая их. И дальше – очерчивая контур ребер и живота. Чуть медлит, и Оникс хочется

закричать… Чтобы не останавливался. Чтобы продолжил. Чтобы подарил ей это безумие, это сладкое и болезненное удовольствие, которое отрицает и ненавидит разум, но до судорог желает тело.

Он смотрит ей в глаза, уже без улыбки. И даже этот взгляд – темный, жесткий, злой, с расширенными зрачками, почти скрывающими зелень радужки, – даже он сводит с ума. В нем столько животного, порочного, яростного вожделения, что Оникс не может удержать стона…

И стоит звуку сорваться с губ, мужские пальцы прикасаются к самой чувствительной точке ее тела… И Оникс выгибается дугой, почти непроизвольно поднимает бедра, желая ощутить его глубже. Толчок и трение, толчок, толчок… Небесные, она близка к краю даже от движения его пальцев, а ведь игра только началась…

Но он снова дразнит, убирает руку, подносит к ее губам.

– Оближи.

Его голос хриплый, он тяжело дышит, он напряжен еще сильнее, чем непокорная раяна. В его глазах бездна и тьма, которым нет сил сопротивляться.

И она приоткрывает губы, касается пальцев языком. Он хрипит, почти рычит, не отрывая взгляда от ее губ. Смотрит, как двигается язык – от ладони до подушечки… А потом Оникс втягивает их в рот, выталкивает языком и втягивает снова, и мужчина вжимается в ее тело своей тяжестью, позволяя ей почувствовать силу своего возбуждения…

– Назови мое имя.

– Ран.

* * *

Она не проснулась – очнулась. Тело, покрытое испариной, дрожало, в горле пересохло, а на губах вкус…

Оникс перевернулась на бок, подтянула колени, почти скуля от беспомощности. Снова сон… Или кошмар? Сколько еще это будет продолжаться? Сколько он будет мучить ее, приходя в сновидения, терзая образами, что не давали ей спать, думать, жить? Ее сознание не хотело этого, отрицало, пытаясь разорвать порочную связь, но…

Но он снова ей снился. Постоянно. Сводя с ума.

Оникс сползла с постели, толкнула дверь купальни. Вода была холодной, конечно, но сейчас ее это лишь порадовало.

Рассвет еще не наступил, и ей надо успокоиться раньше, чем явятся прислужницы. Сегодня важный день. Оникс усмехнулась, плеснула в лицо ледяной водой. От нее занемели губы, но дышать стало легче.

И когда в покои вошли помощницы, раяна выглядела собранной и спокойной, лишь синие глаза лихорадочно блестели.

Девушку тщательно выкупали, намазали ароматными смесями, а после облачили в тяжелый многослойный наряд, в котором раяна едва могла пошевелиться. Ее прислужница Софи сказала, что платье сшили специально для этого выхода, оно было тщательно продумано главным дворцовым мастером иглы и должно было подчеркнуть высокий статус будущей императрицы. Темно-синее, с бирюзовыми и золотыми клиньями, кружевной отделкой и бесчисленными оборками, оно так разительно отличалось от строгого синего платья, что она надевала в суровом замке на краю скалы… Оно ничем не напоминало его, вот разве что цвет… Синий, глубокий, как море…

И сразу пришло воспоминание: мужские руки, уверенно шнурующие ей корсет, губы, касающиеся виска… Еще не близость, еще не принуждение, но в каждом жесте – уверенность хозяина, в каждом вздохе – обжигающая страсть. Его страсть… Его сила. Его желания…

Воспоминания, от которых она никак не могла избавиться.

Оникс потрясла головой, пытаясь стряхнуть наваждения. Пришлось вонзить ногти в кожу ладоней, чтобы унять бешено скачущее сердце, и взять себя в

руки. Мастерицы и прислужницы, к счастью, не обратили внимания на внезапно побледневшую девушку, а может, отнесли ее состояние на страх перед встречей с владыкой.

Оникс горько усмехнулась. При всей его власти, она не боялась Светлейшего. Ошар не мог внушить девушке и капли тех эмоций, что охватывали ее при одной мысли о…

Она вновь тряхнула головой. Забыть. Надо забыть.

– Прекратите вертеться, вы не даете мне работать! – возмутилась мастерица, что укладывала ей волосы, и Оникс закрыла глаза. Ладони она снова сжала в кулаки, пытаясь удержать воспоминания. Тихо скрипнула дверь, но открывать глаз раяна не стала, решив, что это еще одна прислужница. И вздрогнула, услышав мужской голос.

– Это никуда не годится. – Оникс моргнула и уставилась в зеркало на вошедшего. Высокий, в длинном бордовом камзоле, расшитом золотыми нитями, украшенном рубинами и изумрудами. В вырезе бархата виднелась белая сорочка, пышные кружева пеной выплескивались до самого пояса, свисали из рукавов. Наряд дополняли черные бриджи и высокие сапоги с золотыми бляшками. На пальцах мужчины поблескивали многочисленные перстни с самоцветами, в мочках ушей мерцали камушки, длинные светлые волосы стянуты в хвост на затылке и перевиты многочисленными серебряными шнурами. Этот человек напоминал яркую, сверкающую, многоцветную птицу, непонятно как залетевшую во дворец. Но лишь до тех пор, пока не посмотришь ему в глаза. Серые и холодные, они казались прозрачными почти до белизны, кусками застывшего льда. Эти глаза рассматривали раяну внимательно и равнодушно, словно пришпиленную к дереву бабочку. И сразу становилось понятно, что яркие одежды скрывают не птицу, а жестокого зверя.

Прислужницы склонились в поклонах, и по их глубине Оникс догадалась, что перед ней важная персона. Впрочем, это было ясно и так. Однако представляться мужчина не спешил. Его взгляд снова прошелся по девушке: от высокой прически до кончиков бархатных туфелек. И вернулся обратно.

– Распустите ей волосы, – приказал он.

Мастерица, потратившая на прическу три часа, слегка побледнела и торопливо принялась снимать многочисленные заколки, удерживающие локоны. Другие прислужницы застыли в полупоклоне, так и не разогнувшись до конца.

– Ей надо закрыть грудь, – так же равнодушно приказал мужчина. – Отвратительное платье.

– Но декольте по последней моде… – пискнул мастер иглы и осекся. Его лицо залила смертельная бледность. Оникс осмотрелась с любопытством и фыркнула. Резко развернувшись, она посмотрела мужчине в лицо.

– Кто вы такой?

Прислужницы ахнули, мастер иглы издал какой-то полузадушенный хрип, но на лице гостя снова ничего не отразилось. Даже удивления.

– Вижу, госпожа Олентис не зря называет вас нерадивой ученицей, – неторопливо произнес он.

– Увы, за два месяца трудно избавиться от всех дурных привычек, – пожала плечами Оникс. – Их у меня много. Например, называть свое имя, общаясь с людьми. Или здороваться. Или вот еще – интересоваться чужим мнением. Но я простолюдинка и да – плохая ученица.

Она выдержала взгляд ледяных глаз, хотя это далось ей непросто. Но опускать глаза Оникс больше ни перед кем не собиралась. Мужчина смотрел по-прежнему без эмоций.

– Не переживайте, – негромко сказал он. – Во дворце отличные наставники. Они справлялись и не с такими… дурными манерами.

– Но пока этого не произошло, я не постесняюсь задать свой вопрос снова, – Оникс подняла голову еще выше, не обращая внимания на испуганную прислугу. – Кто вы? И почему вы отдаете приказы о том, как я должна выглядеть?

– Я отдаю такие приказы хотя бы потому, что гораздо лучше вас разбираюсь в моде, – он окинул ее взглядом. – Не думаю, что в Обители Скорби вы видели красивые платья. А те несколько, что подарил вам Ран Лавьер, вряд ли успели развить ваш вкус в достаточной мере за то короткое время, что вы их носили. К тому же это длилось недолго, не так ли?

Оникс закусила губу, заставляя себя успокоиться.

– Откуда вы об этом знаете?

– Я все о вас знаю, раяна, – мужчина со скучающим видом разгладил складку пышной манжеты, что прикрывала холеные руки.

– Не думаю, – Оникс сверкнула глазами от злости.

Мужчина небрежно пожал плечами.

– Ваши мысли меня не занимают. Они скучны, – он отвернулся, словно потеряв к ней интерес.

– Волосы уберите ей у висков, сколите заколкой. Вот этой, с синим цветком. Снимите все украшения. Все, я сказал. Платье наденьте другое. Простое, синее, в цвет ее глаз. Без вырезов и вставок, однотонное. На плечи набросьте палантин. Светлый. Концы пусть свисают драпировкой на спину. Никаких духов не используйте. Руки оставьте открытыми, без перчаток. Никаких украшений.

– Но, ор Итор, помилуйте, она же будет выглядеть, как простолюдинка! – почти простонал мастер иглы, с ужасом глядя на свое творение, которое ретивые прислужницы уже яростно сдирали с Оникс, не обращая внимания на ее сопротивление.

По губам мужчины скользнула еле заметная усмешка. Тяжелый наряд рухнул к ногам раяны, оставляя ее в одной нижней рубашке да деревянных пластинах, что сдавливали грудь и спину. Гость окинул девушку оценивающим взглядом.

– Как нам только что соблаговолила сообщить госпожа Оникс, она и есть простолюдинка. Чем немало гордится. Так что и выглядеть она должна

соответствующе.

И чуть склонил голову, рассматривая Оникс в кругу суетящихся прислужниц, бросившихся исполнять его приказания. Мастерица так старалась скорее освободить волосы Оникс, что нещадно дергала прядки, и раяна с трудом удерживалась от протестующего шипения. Но делать это при госте ей категорически не хотелось. И снова по его губам скользнула усмешка.

– Анрей Итор, первый советник Светлейшего Владыки, – негромко произнес он. – К вашим услугам.

И, развернувшись на каблуках, ушел. Когда дверь за ним закрылась, по комнате разнесся дружный облегченный вздох. Все на миг застыли, словно не в силах поверить в то, что гроза миновала, хотя и навела изрядного страха.

Мастерица причесок склонилась к раяне и прошептала, перебирая ей пряди.

– Зря вы ему дерзили. Советник подобного не прощает. Будьте осторожны.

И снова дернула девушку за прядь, заставив ту вскрикнуть. Но теперь Оникс смотрела на женщину совсем другими глазами. Она обвела внимательным взглядом прислужниц. Все они что-то делали, суетились, перебирали ткани или подавали портному иглы и защипы. И порой кидали на девушку быстрые взгляды.

А Оникс подумала, что ей стоит завести во дворце союзников. Потому что враги у нее уже появились.

Глава 4

Несмотря на страх и полное нежелание участвовать в навязанном ей спектакле, Оникс не могла не восхититься происходящим. Они с Ошаром ехали в открытом экипаже, украшенном золотыми и алыми лентами, запряженном восьмеркой белоснежных лошадей. На роскошных сбруях алели знаки императорского двора, реяли над кортежем узкие длинные полотна знамен, на которых

взмахивал крыльями золотой хищный грифон. Кавалькада дворцовой стражи сияла парадными мундирами и сверкающими эфесами клинков и украшений. Но это было лишь первое кольцо – торжественное. Было и второе. За нарядными белоснежными сопровождающими скользили черными призраками Сумеречные псы, а за ними – воины в тяжелых кирасах. Но на них Оникс старалась не смотреть.

Дома Темного Града проплывали за окном сначала быстро, но стоило выехать на основную улицу, ведущую к площади, и экипаж покатил размеренно и плавно, чтобы собравшиеся на обочинах люди могли увидеть владыку.

– Улыбайся, Оникс, – приказал Ошар. Он тоже выглядел торжественно в темно-зеленом наряде с алой перевязью поперек груди и сверкающим императорским медальоном. Плечи владыки укрывала тяжелая белоснежная накидка, с которой смотрел глазами-рубинами золотой грифон.

Раяна послушно улыбнулась, но не оттого, что ей приказали, а просто от новых впечатлений. Столица империи воистину восхищала. Широкая улица радовала светлым камнем, а дома поражали красотой лепнины, мраморными лестницами и большими окнами с настоящим стеклом, которое переливалось бликами в лучах зимнего солнца. Ночью выпал небольшой снег, и сейчас снежинки сияли, словно кристаллы, ослепляя проезжающих. Может, поэтому Оникс не сразу заметила, что люди на обочинах провожают их экипаж не радостными криками, а хмурыми взглядами.

А поняв, присмотрелась обеспокоенно. На фоне роскоши богатых домов и великолепия их экипажа нищета бросалась в глаза особенно сильно. Людей оттесняли с дороги стражи, отталкивали, не позволяя приближаться к кортежу владыки. Тощий подросток в тонком жилете упал, откинутый рукой стражника. Изможденная женщина окинула проезжающих ненавидящим взглядом и бросилась поднимать мальчишку.

– Зачем они их толкают! – возмутилась Оникс, привстав, пытаясь разобрать, что происходит за спинами стражей. – Это же просто дети!

– Если не применять силу, то толпа может просто смять нас, – Ошар пожал плечами. – Люди понимают лишь угрозы, к сожалению. Не переживай, у площади нам будут улыбаться.

Но никаких улыбок Оникс не видела. Чем дальше они проезжали, тем плотнее становилась толпа и тем больше хмурых, презрительных и ненавидящих лиц появлялось в ней. Они были мужскими, женскими, детскими, с одинаковым голодным блеском и печатью нищеты. Лица с запавшими бледными щеками и бескровными, посиневшими от холода губами. Худые тела, обряженные в изношенные одежды неопределенного цвета. Грубые башмаки, порой даже деревянные, надетые на босые ноги.

Раяна содрогнулась. В рыбацкой деревушке, где она провела этот год, она подобного не видела. Там была простая и скромная жизнь, но никто не умирал от голода. Море всегда давало улов, а соседи и родственники заботились друг о друге. Та деревушка походила на Обитель, та же взаимопомощь и спокойная, размеренная, понятная жизнь. В столице же все иначе. Здесь нищета подчеркивалась роскошью помпезных строений, она соседствовала с богатыми придворными и проглядывала сквозь праздничное убранство улиц.

И Оникс снова окинула взглядом свой наряд и бархат их экипажа. Ошар догадался, о чем она думает, покачал головой.

– Даже если бы мы поехали в самой простой повозке, это не помогло бы людям, Оникс. Пойми, мы не способны накормить всех, к сожалению. К тому же народ должен всегда ощущать разницу между собой и теми, кто ими правит. Они обязаны почитать нас, словно богов, и так же бояться. Мы не можем стоять рядом с ними, это приведет к смуте.

– Но там дети, – тихо сказала Оникс. – А их откидывают с дороги, словно собак!

– Не думай об этом, – он пересел на ее сиденье, сжал девушке ладонь. Оникс осторожно ее вытащила. Ошар сделал вид, что не заметил. – Просто не думай и улыбайся. Постарайся выглядеть счастливой и всем довольной. Ты ведь раяна, освободившая империю от тирана! Ты их надежда, так будь ею! Сейчас это лучшее, что ты можешь сделать.

– Не мешало бы мне самой в это поверить, – пробормотала Оникс, снова окидывая взглядом улицу.

– Прочь угнетателя! Каяра на трон! – закричал кто-то в толпе, и Оникс вздрогнула. К крикуну тут же скользнули со всех сторон черные фигуры

Сумеречных псов, и призыв оборвался. Раяна побледнела.

– Не обращай внимания, – невозмутимо произнес Ошар.

На подъезде к площади стражи окружили их плотным кольцом, и раяна увидела матово блеснувший купол, что раскрылся над ними. Миг – и он стал прозрачным, почти невидимым.

– Что это?

– Наш магический щит, – улыбнулся владыка. Оникс покосилась на двух Сумеречных, установивших защиту, вздохнула. Да уж, не думала она, что когда-нибудь будет ехать в одном экипаже с владыкой империи, а сильнейшие маги станут ее защищать, а не пытаться убить!

Лошади остановились, и экипажный раскрыл дверцу и разложил ступеньку. Толпа заволновалась, двинулась, глашатай громогласно объявил о прибытии Светлейшего Владыки империи. Люди ахнули, подались вперед, напирая друг на друга и сотрясая воздух криками. А внутри всей этой каши из людей, по живому коридору и под защитой купола, медленно шествовали Оникс и Ошар. Владыка придерживал раяну за локоть, и ей постоянно хотелось этот локоть убрать. Но она терпела.

Они поднялись на высокий помост, отсюда вся площадь была как на ладони, и Оникс поежилась. Погода испортилась, солнце закрыли тучи, и налетел холодный ветер, пробирающий до костей. А на девушке поверх синего платья был лишь легкий светлый палантин, почти не согревающий на резком ветру. Советник Итор не позволил укутаться в тяжелую меховую накидку, посчитав, что она скрывает фигуру девушки. Оникс подумала, что он просто наказал ее за дерзость.

Она окинула взглядом толпу. Казалось, сюда пришел весь Темный Град: кузнецы и кухарки, прислужники и торговки, носильщики и нищие с окраин. Множество лиц, рассматривающих ее. Только на этих лицах раяна не видела улыбок. Она поежилась.

Ошар поднял ладонь, голоса смолкли. Он начал говорить, и его голос, усиленный магами, пронесся над площадью.

– Жители Темного Града! Сегодня я, Светлейший Владыка империи, принес вам благую весть!

– Принеси нам хлеба! – выкрикнули из толпы.

Черные тени Сумеречных скользнули в том направлении.

Ошар продолжил, даже не повернув головы:

– Эта весть вернет надежду вашим душам и свет вашим домам!

– Мы хотим есть!

Снова почти незаметные скольжения теней и придушенный вопль. Оникс начало мутить от происходящего.

– Я знаю, что вы устали, что в ваших домах холодно и темно, но надежда есть! Она живет в ваших сердцах и сегодня обретет новый смысл…

– Наши дети голодают!

Крик женский, но тени окружили и ее, заставляя молчать. Оникс сжала ладони. Ей хотелось уйти, сбежать, спрятаться. Хотелось прямо сейчас рвануть с шеи кольцо на веревочке, надеть его на палец и оказаться снова на берегу моря, возле старой лачуги Рысого.

Но тогда она приведет Сумеречных к старику, что всегда был добр к ней… Она не имеет права вновь подвергать опасности чужие жизни. К сожалению, ничего не изменилось, и помогать раяне – чревато смертью…

Ошар что-то говорил, тени скользили в толпе, люди хмурились. Со всех сторон Оникс видела враждебные и злые взгляды, они трогали ее, прикасались, толкали. Они требовали, чтобы раяна убралась с этого помоста. Люди не верили Ошару и его словам, смотрели недоверчиво.

Раяна, что свергла тирана? Не верим.

Монахиня? Да это падшая девка!

Надежда? Дайте нам хлеба, мы умираем от голода!

– Ничего не выйдет, – одними губами прошептала Оникс владыке, который продолжал улыбаться, словно не замечал бурлящей вокруг ненависти. – Они больше не верят в сказки…

Первый комок земли просвистел в воздухе и, ударив в защитный купол, жирным подтеком сполз вниз. Раяна проследила его движение и вздрогнула. Кто-то бросил это в нее. Даже не во Владыку, а в нее! Не будь купола, грязь сейчас стекала бы по лицу девушки. Злость заставила ее выпрямить спину, гневно окинуть взглядом толпу. Она ни в чем не виновата! Ни в чем! Она не будет опускать глаза перед этими людьми, что кидают в нее комья. За что с ней так? Разве она не одна из них? Разве виновата в своей судьбе? Разве желает ее? Так почему в нее летят пригоршни земли и острые камни?

Оникс вздернула подбородок, откинула волосы и… замерла.

И все исчезло.

Хмурый зимний полдень. Площадь Темного Града. Орущая толпа и перекошенные злобой лица. Черные тени псов и Ошар с будто приклеенной улыбкой. Ничего не осталось. Все провалилось в небытие, растворилось, стало неважным… Потому что Оникс увидела того, кто стоял в рядах кричащих людей. Стоял молча, спрятав лицо в провале неприметного серого плаща. Стоял, глядя на нее, и от этого взгляда – темного, тяжелого, знакомого до боли – все внутри девушки сжалось, а потом сердце пустилось в галоп, а воздух исчез.

«Этого не может быть! Мне показалось!» – мысль промелькнула испуганной птицей, и он словно почувствовал. Поднял ладонь, снимая капюшон и позволяя ей увидеть.

Оникс побледнела.

Все те же темные волосы, отросшие почти до плеч. Она знала, какие они на ощупь. Чувственные, резко очерченные губы. Идеально ровный нос. Узкий белый

шрам, разделивший левую бровь. И зеленые глаза. Холодные, внимательные, подчиняющие.

Ран Лавьер.

Она сказала его имя про себя, но оно обожгло так, что стало больно.

– …Эта монахиня, принесшая в наш мир надежду и освобождение, станет моей женой, вашей повелительницей…

Слова Ошара долетали, словно сквозь тюфяк с соломой, хотя он стоял рядом. Комьев грязи на защитном куполе стало в разы больше, но этого Оникс не видела, она смотрела лишь на Лавьера. Их взгляды сцепились, словно два зверя, вгрызлись друг в друга, не в силах оторваться. Она увидела, как потемнел его взгляд, и резко выдохнула. Раяна знала эту темноту. Она, как никто, знала ее, и эта тьма снова звала и требовала. Только Лавьер мог смотреть так, что она ощущала его взгляд, как прикосновение. Словно он снова трогал ее. Обвел контур щеки. Обрисовал губы. Опустился ниже, на шею. Чуть помедлил, словно раздумывая, стоит ли сжать эту шею сильнее, лишая воздуха. Опустился на ее грудь, закрытую светлой тканью. Смял и ее, сдирая с девушки. Он подчинял ее, он брал, он вновь порабощал раяну…

Даже сейчас она ощущала его желание, голод, инстинкт, что появлялся каждый раз при взгляде на Оникс. Но сейчас в этом взгляде было и что-то новое. Почти неконтролируемое, почти физическое ощущение его злости. Ярости, сплавленной с желанием, с непреодолимым вожделением и потребностью подчинить.

– Нет, – она прошептала это беззвучно, но, кажется, он услышал.

Губы изогнулись в насмешке: «Да».

Его слова даже не прозвучали, они были в его глазах – предупреждение, обещание, угроза. Наслаждение и боль. Все сразу. Все… снова.

– Оникс, – Ошар схватил ее за руку, прижал к губам, и это заставило девушку отвести взгляд от мужчины в сером плаще. Она рассеянно посмотрела на

Светлейшего, с трудом осознавая его присутствие, все еще находясь во власти лишь одного человека.

Владыка поцеловал ей ладонь, и толпа взорвалась воплями.

– Что происходит? – изумилась она. Словно вернулась в реальность. Но эта реальность изменилась. Исчезли злые и враждебные лица, теперь на нее смотрели с такой любовью, что раяна не поверила своим глазам. Люди кричали. Но теперь в этих выкриках они славили раяну, принесшую им надежду и веру в будущее. Они обещали Оникс свою поддержку, свою любовь, себя!

– Мы любим тебя! Мы верим в тебя! Оникс! Оникс! Оникс – наша повелительница! Оникс!

Люди напирали и смеялись, они показывали щербатые рты и рукоплескали, кидали в воздух свои шапки, и все, все смотрели на нее!

Раяна попятилась. Казалось, защитный купол не выдержит и рухнет, стража снова взяла людей в кольцо, закрывая щитами – магическими и железными. Оникс пыталась рассмотреть за ними хоть что-то, но толпа бесновалась, а Лавьера она больше не видела.

– Надо уходить, мой повелитель, – начальник стражи смотрел обеспокоенно. – Люди просто помешались! Это невообразимо!

Толпа снова взорвалась криками, кто-то упал на колени, и его смели. Огромная площадь превратилась в бушующее море, оно накатывало волнами, оно билось, оно пыталось всеми силами поглотить раяну, завладеть ею, коснуться, забрать!

Воины и Сумеречные окружили их с Ошаром плотной стеной, но и они с трудом стояли под натиском обезумевшей толпы.

– Оникс! Оникс! Мы тебя любим!

– Скорее, в экипаж, повелитель!

В толпу посыпались мелкие монеты, приготовленные заранее, но, казалось, люди этого не увидели. Они рвались к тем, кто спешно покидал площадь, пробивались, желая прикоснуться к своей богине, своему чуду.

– Да они ее просто разорвут, – тяжело дыша, выдавил начальник стражи.

– Что? – не поняла девушка. – Меня? Что происходит?

Мужчина не ответил, лишь наградил ее тяжелым взглядом. И от этого взгляда ей стало не по себе.

– Зайер, усиль щит! Второй – поглоти выплеск! Оборону держать! Не оглядываться! – страж сыпал приказами, но Оникс видела, что и он непроизвольно поворачивает голову в ее сторону, втягивает судорожно воздух, как и все на площади. Пытается сильнее, ярче, глубже ощутить то, что свело с ума сотню людей.

– Не смотреть в круг!

В экипаж их почти закинули, и возница ударил по крупам лошадей, срывая их с места. Кто-то закричал, оказавшись под копытами, и тут же этот вопль сменился еще более восторженными криками.

– Оникс! Оникс! Мы тебя любим!

– Небесные… Что ты сделал? – выкрикнула раяна, с трудом удерживаясь от желания заткнуть уши и залезть под сиденье, чтобы больше не видеть происходящего.

– Я? – Ошар неожиданно захохотал, а потом резко оборвал смех и одним движением притянул ее к себе. – Я здесь совершенно ни при чем! Это сделала ты, Оникс. Это лори!

– Что? – она хотела еще что-то сказать, но владыка прижался к ее губам, настойчиво раскрывая их языком. Он целовал так, словно они не мчались в трясущемся экипаже, подпрыгивая на ухабах, словно вообще забыл, где они. Дыхание Ошара становилось все тяжелее, а руки все настойчивее.

– Они-и-икс!

Стон вырвался из мужской глотки – сиплый, больной.

А раяна дернулась, метнулась в угол бешено несущегося экипажа и уставилась на мужчину.

– Не трогай меня!

Он глубоко вздохнул, сжал зубы.

– Твой цветок, – хрипло выдохнул владыка. – Убери его! Иначе я за себя не ручаюсь!

– Лори? – девушка попыталась прислушаться к своим ощущениям. Цветок закрылся в тот день, когда умер Темный Владыка, и больше он не открывался ни разу за прошедшее время. Так почему сейчас? Впрочем, ответ Оникс знала.

– Убери! – прошипел Ошар. Его лицо стало меняться, личины, которые он применял, вылезали, словно восковые маски, оплывали и стекали, переплавлялись во что-то другое. Волосы то темнели, то снова светлели, плечи становились у`же, а потом раздувались так, что затрещал его парадный мундир.

– Я не могу! – прохрипела Оникс. Экипаж подпрыгивал, лошади ржали, а возница орал, потрясая кнутом. – Я не знаю как!

Ошар ответил ей таким голодным взглядом, что раяну затошнило. Она закрыла глаза, пытаясь отрешиться и от бешеной скачки, и от мужчины, что хрипло дышал рядом, меняя личины. Пыталась ощутить свой цветок, мысленно коснуться его и заставить сомкнуться бархатные лепестки. Она делала это снова и снова, пока не почувствовала прикосновение. И подпрыгнула, готовая драться даже с владыкой.

– Кажется, получилось. В голове прояснилось, и я теперь могу думать не только о том, как… – Ошар осекся, хмыкнул, устало потер глаза. – Никогда такого не испытывал… Любовь в чистом виде… Поклонение. Обожание… Сила, Оникс! Ты – сила!

Девушка закрыла глаза, видеть торжество в глазах владыки ей не хотелось.

Сила?! Какая чушь. Лори не подарок, лори – наказание. Если бы она могла от него избавиться… Стать обычной девушкой, с обычной и понятной судьбой! А не куклой в руках мужчин, что одержимы или ее телом, или властью цветка. Она ненавидела и тех, и других.

Если бы она могла избавиться от этого проклятия!

Но увы. Небесные таких сделок не заключали.

– Как ты это сделала? – Ошар выдернул ее из раздумий. – Надо потренироваться! Оникс, ты слышишь? Это же власть! Это безграничная власть! Небесные, кажется, мои советники были правы! Как же повезло!

– Вряд ли мне снова это удастся, – пробормотала раяна. Она забилась в угол, руки тряслись от пережитого, во рту стало противно кисло. И хотелось расплакаться. – Я не понимаю, почему цветок открылся. И не смогу повторить.

Она отвернулась к окну, закрыла лицо руками, надеясь, что владыка оставит ее в покое хоть на несколько минут. До дворца он действительно ее не трогал, но стоило войти внутрь, как началось настоящее сумасшествие! Кольцо стражей проводило их до покоев, здесь уже ждали советники, несколько Сумеречных и Анрей Итор. О произошедшем на площади все знали и теперь говорили наперебой, предлагая варианты использования раяны.

Оникс отошла к окну, обхватила себя руками, пытаясь сдержать дрожь. Перед глазами плыло – то ли от голода, то ли от пережитого, ей хотелось спрятаться ото всех в своей комнате, не слышать чванливых советников и циничных Сумеречных.

– Итак, господа, мы убедились, что Оникс не просто раяна, а единственная раяна с живым разноцветным лори, – голос Анрея, обманчиво тихий, оборвал разноголосье придворных. Итор смахнул с белоснежного рукава несуществующую соринку. – И те, кто счел нужным ознакомиться с архивом, знают, – едва заметная презрительная насмешка, – что цветной лори способен вызывать не просто мужское желание, но и всеобщее поклонение, обожание, любовь всех без исключения, невзирая на пол и возраст. Не зря раян почитали,

словно богинь. В их храмы люди несли последнее, были готовы умереть за одну улыбку или прикосновение жрицы. За возможность вдохнуть аромат цветного лори, что дарит наслаждение. – Оникс не повернулась, так и смотрела на симметричные парковые дорожки, пытаясь успокоиться.

– Можно сказать, нам повезло, господа. О подобных… умениях раян мало кто знает, за двести лет мы успели уничтожить не только носительниц лори, но и почти все сведения о них. Сумеречные псы хорошо выполняли свою работу, – седовласый мужчина со знаком Цитадели на камзоле коротко кивнул на слова первого советника. Хотя Оникс засомневалась, что это был комплимент в его сторону. – Конечно, эту силу мы обратим на пользу империи. Но для начала стоит выяснить, насколько она нам подвластна. Оникс, подойди.

Девушка коротко вздохнула и отошла от окна. Пять пар мужских глаз уставились на раяну.

– Оникс, расскажи нам, как ты раскрыла цветок. Что почувствовала? Каким именно образом ты повлияла на толпу?

– Я не знаю, – она с трудом удержалась от желания вновь обхватить себя руками. – Я даже не поняла, что произошло.

– Ты можешь сейчас сделать то же самое?

Мужчины чуть подались вперед, их ноздри дернулись, пытаясь уловить аромат лори. Не сдержавшись, Оникс попятилась. Один Итор остался на месте и даже слегка отодвинулся.

– Я не могу это сделать. Я не… контролирую цветок! Там, на площади, это просто произошло!

Из бархатного кресла поднялся сухой мужчина с длинными, выкрашенными фиолетовой сурьмой волосами. Бледное лицо было почти без морщин, гладкое, словно девичье. На изумрудном одеянии со шлейфом поблескивал грифон, держащий в клюве ветвь дерева познания. Императорский маг.

– Смотрите на меня, – приказал он. Раяна удивленно перевела на него взгляд и отшатнулась. Темные глаза мага стремительно выцветали, радужки белели, даже зрачок растворялся в бледно-голубом цвете белка. И белизну стремительно заливал багрянец, наливая глаза мага цветом запекшейся крови. Это было так жутко, что Оникс на миг застыла, пораженная.

Первое прикосновение к своему сознанию Оникс ощутила, как укол в висках. А потом ее словно ударило обухом по голове – так больно, что она застонала и отпрыгнула, уже не таясь.

– Что… что вы делаете?!

– Успокойся, – проскрипел маг. – И не дергайся, так будет легче. Я посмотрю твою память. Мы должны выяснить, как ты открыла цветок. Не сопротивляйся, иначе я позову стражу, чтобы они тебя держали.

Девушка отскочила в сторону, заметалась, пытаясь убежать от настойчивого взгляда красных глаз мага, но он словно преследовал ее. Остальные мужчины смотрели с холодным любопытством, и ни в чьих глазах не было ни капли сочувствия или поддержки. Итор и вовсе придирчиво разглядывал свои ногти, Ошар наливал вино.

– Небесные, да остановите вы ее, – поморщился маг. – Я не собираюсь бегать по всем покоям.

Оникс загнанно осмотрелась. Сама мысль, что этот гладколицый и красноглазый станет копаться в ее воспоминаниях, перебирать их, брезгливо рассматривая ее прошлое, заставила Оникс броситься к двери в попытке сбежать. Но за ее спиной маг лишь поморщился и коротко позвал:

– Господин Баристан, будьте любезны…

– Конечно, магистр, – отозвался Сумеречный.

В тот же миг ноги Оникс будто слиплись, словно их спутало невидимое лассо, и она со всхлипом застыла. Ее тело опутала незримая веревка, конец которой был в ладони Сумеречного пса. Раяна взвыла, дернулась, но путы держали крепко,

заставляя ее неподвижно стоять на месте, вытянув руки вдоль тела.

– Ох, сколько ненависти во взгляде, – улыбнулся маг, неспешно приближаясь. – Благодарю, господин Баристан.

Сумеречный слегка поклонился.

– Осторожнее, Льен. – Советник Итор оторвал взгляд от своих безупречных ногтей. – Не углубляйтесь дальше сегодняшнего дня. Мы не можем рисковать девушкой, а ваше вмешательство порой имеет… непредсказуемые последствия.

– Поверьте, советник, я хорошо знаю свою работу, – слегка раздраженно отозвался маг, не поворачивая головы. Он приблизился к замершей Оникс, тяжелая парча его одежды прошуршала по полу, словно хвост гремучей змеи. Вблизи он оказался невысок, даже ниже самой раяны. Кровавые глаза теперь смотрели не отрываясь, а потом магистр поднял руки, откидывая широкие, расшитые золотом рукава, и положил ладони на виски Оникс.

В его глазах появилась черная точка – зрачок, она то расширялась, то сужалась, почти исчезая, и мир вокруг девушки завертелся, затягивая ее в воронку чужого и враждебного разума…

– …Раян невозможно заставить или прочитать, я ведь вам говорил, Льен. Но вы сочли мои слова не стоящими внимания. Пожалуй, вам стоит освежить ваши знания по истории империи, а в частности, сохранившиеся сведения о раянах. – Размеренный и насмешливый голос Анрея Итора прорвался сквозь безмолвие, и Оникс с легким стоном открыла глаза.

Она полулежала в кресле, Ошар похлопывал девушку по щекам. Оникс отвела его ладонь и отвернулась от легкого сожаления во взгляде владыки.

– Что случилось? – голос предательски дрогнул. – Я потеряла сознание?

– Да. Ты рухнула в обморок, когда маг попытался просмотреть твои воспоминания. Лори защищает раян от вмешательства в их разум. В одном из архивов были намеки на это, но…

– Но вы не приняли их к сведению, – Оникс села, потянулась к графину с водой. Руки дрожали, и ей стоило немалых усилий удержать фужер и не разлить жидкость. Сочувствия в глазах мужчин не было, лишь досада, что задуманное не удалось. Первый советник поглядывал с насмешкой, маг – со злостью, Сумеречный и вовсе отвернулся. Ошар хмурился.

Оникс допила и поставила хрустальный фужер на низкий столик. Извиняться перед ней никто не собирался.

– Что ж, придется обойтись рассказом девушки, – советник Итор опустился в кресло напротив. – Постарайся вспомнить все подробности, Оникс. Что произошло на площади?

Она пожала плечами, стараясь не дрожать.

– Не знаю, я ведь говорила. Я делала все, как мне велели, улыбалась людям, кивала… Но толпа словно озверела! В нас полетели камни. А после… – она запнулась, и вновь перед глазами возникло лицо – темные волосы до плеч, жесткая линия подбородка, зеленые глаза. И взгляд. То, как Лавьер смотрел на нее там, на площади, заставило Оникс судорожно закусить губы. – Я испугалась. Наверное, все дело в этом…

– Испугалась? – Итор скептически изогнул бровь и посмотрел на Ошара. – Хм… Странно. Что-то еще? Возможно, ты что-то увидела? Или вспомнила?

– Нет. – Раяна упрямо вскинула голову. Ее тошнило от голода, блеска украшений на одеждах этих мужчин, оценивающих взглядов. От понимания, что все они хотят лишь одного – использовать. Им всем плевать на чувства девушки, на ее мысли или желания. Ни один даже не пошевелился, чтобы подать ей воды. И Оникс закусила губу, заставлял себя сдержать рвущиеся наружу негодование и обиду. И в глаза первому советнику посмотрела так же холодно. – Я уже все сказала. Я не знаю, почему лори раскрылся. О цветке я знаю еще меньше, чем вы, орт-господин старший советник.

Итор задумчиво щелкнул пальцами. Янтарный камень на его руке блеснул солнечным светом, словно подмигнул.

– Что ж, – протянул мужчина. – Думаю, что нет смысла дальше мучить вашу невесту, Светлейший. Проникнуть в ее разум не получится, а сказать большего Оникс, очевидно, не… – усмешка тронула губы мужчины, – не может.

– Вы правы, Анрей, – владыка поднялся, и остальные тоже встали. Оникс – чуть пошатнувшись от охватившей ее слабости. – Попытайтесь найти сведения о лори, нам надо знать, как управлять цветком. Благодарю вас орт-лорды, вы свободны.

Советники склонились и покинули комнату, не посмотрев на девушку. Лишь Сумеречный пес, что удерживал раяну путами, проходя, кольнул ее взглядом – острым, как рукавный клинок, и таким же быстрым. Но длился этот взгляд лишь миг, отвернувшись, пес шагнул к двери.

– Я могу идти, мой повелитель? – Оникс присела, не поднимая головы. Опасалась, что Ошар рассмотрит в ее глазах ненависть и к нему, и к сборищу его советников. Но владыке было не до чувств девушки, так что он лишь махнул рукой, отпуская ее.

– Да, отдохни. Ты сегодня порадовала меня, Оникс. Иди, вечером я жду тебя на ужин.

– Благодарю, мой повелитель. Вы очень… добры, – выдавила та, надеясь, что голос не выдает ее чувств. И лишь за огромными дверьми вздохнула с облегчением.

Стражники, охранявшие покои владыки, смотрели перед собой и на вздох раяны не отреагировали. Зато двое из шестерых молча шагнули, встали по бокам, все так же уставившись в пространство перед собой. Оникс повертела головой, оглядела обоих и фыркнула. Но, смирившись со стражниками, просто пошла к своим покоям, понимая, что они лишь выполняют приказ.

Так же, как и она.

В своих покоях, отпустив суетливых служанок, что помогали раяне раздеться, Оникс вошла в исходящую паром купель и спустилась по ступенькам в каменную чашу. Постояла, опустив ладони в теплую воду, а потом повернула голову, рассматривая в зеркало свою спину. Стекло затянулось дымкой пара, силуэт

девушки в нем был туманным. Но достаточным, чтобы увидеть цветок. Нежно-зеленые побеги, оплетающие косточки, узкие листья. Бутон всех оттенков красного – от нежной розовинки до темного багрянца.

Оникс закрыла глаза и представила… нет, вспомнила. После сегодняшнего эти воспоминания словно пробили плотину, стену, которую она так старалась воздвигнуть внутри себя. Но сегодня она рухнула, похоронив под обломками ее бесплодные жалкие попытки забыть.

Забыть не получалась. Ни одного мгновения, ни единого жеста, ни слова. Он снова порабощал ее тело и разум, снова пленил, подчинял, требовал. Ран Лавьер, человек, которого она поклялась забыть. Мужчина, что продолжал являться во сне, не желая отпустить. Не оставляя Оникс ни на миг, сводя с ума воспоминаниями. И как ни пыталась она избавиться от его незримого присутствия, но лишь один взгляд сквозь толпу, мимо десятков и сотен чужих лиц, длящийся лишь пару мгновений, лишь один этот взгляд разрушил стену и разбудил чувства. И вновь его поцелуи горели на ее коже, заставляя кусать губы и сжимать кулаки. И почти до безумия желать его прикосновения.

Оникс зашипела и ударила ладонью по воде, разбрызгивая прозрачные капли. Ее тело дрожало, а цветок на спине двигался, вновь и вновь оплетая стеблем хребет, словно и он жаждал большего…

Проклятый Лавьер! Что он делал на той площади? Почему был там?

Он преступник, его ищут по всей империи, но он явился посмотреть на нее, стоящую рядом с новым владыкой? Знал ли Лавьер, кого именно Ошар объявит своей невестой?

Оникс застонала, обхватила голову руками. А потом снова ударила ладонью, но уже по бортику, расплескивая капли и пытаясь не орать от бессилия и ярости. Боль в костяшках слегка отрезвила, вернула из омута воспоминаний.

– Ненавижу тебя! Ненавижу! Слышишь? – она шипела сквозь зубы, почти беззвучно, зная, что служанка подслушивает под дверью. – Отпусти меня! Отпусти!!!

И яростно швырнула в зеркало пригоршню воды, не желая видеть свое отражение. И сомкнутые бархатные лепестки лори на левой лопатке.

Глава 5

Ран Лавьер лежал на холодных грязных досках гостевого дома на окраине Града. Внизу орали пьяную песню заезжие торговцы, успешно распродавшие товар и закупившие новый для торговли с Пятью Холмами. Но их путь начнется лишь завтра, а сегодняшнюю ночь караванщики желали провести весело.

Завизжала подавальщица, пойманная кем-то под хмельной хохот и непристойные обещания, правда, визг ее был скорее завлекающим, чем возмущенным.

Лавьер закрыл глаза. Его ладони были крепко прижаты к доскам, он сосредоточился на ощущениях. Стылый холод. Шероховатость и влажность дерева. Запах плесени и отходов. Только ощущения, звуки гаснут, задавленные железной волей. Словно кто-то приглушает громкость, уменьшает ее: и вопли пьяных людей, и женские стоны – все смолкает, остается лишь тишина. Глаза закрыты, а дешевая темная комнатушка исчезает, сменяясь простором Облачной Вершины.

Он вновь стоит на скалистой площадке, с которой видны грозовые тучи, наползающие с запада, и кровавое солнце, ныряющее в бурлящий поток водопада. Стихия билась о камни с ревом, он все нарастал в голове Рана, заглушая реальные звуки. В его лицо полетели холодные брызги воды, разбивающейся о камень, одежда промокла от мелкой водяной взвеси, что висела здесь стеной. Водопад бился и громил, стихия ревела и ярилась, успокаивая Рана Лавьера. Это была его собственная вершина, которая всегда помогала ему найти нужное состояние. Не покоя, нет! Ярости. Силы. Мощи. И дара.

Год назад одного воспоминания Облачной Вершины было достаточно, чтобы темный дар отозвался и выгнул тело, готовый выплеснуться в окружающий мир. Год назад… Но не сейчас. Уже который раз Лавьер проделывал глубокое погружение в транс, в тонкий мир сознания, в легкие слои души. Это было

первое, чему научили его в цитадели.

…В шесть трудно смириться и понять, за что тебя бьют. Тем более если ты ни в чем не виноват. Впрочем, даже мальчишкой он довольно быстро усвоил простую истину: причина и повод не нужны. Достаточно того, что те, кто бьют, – сильнее. А значит, они имеют право. Сможешь дать сдачи, сможешь выстоять или сбежать, сможешь отомстить – и право будешь иметь ты.

Все просто. Или ты, или тебя.

В шесть лет никакого «ты» не существовало. Лишь «тебя». В Цитадели не было разделения по возрасту, лишь по уровню дара и умениям. И на уровне Рана к моменту его появления все были старше мальчика. Три десятка обозленных подростков, которые развлекались, третируя новичков. Выгнать малышей на улицу, в мороз, и поливать их водой, или прибить к доскам пола всю одежду, чтобы утром оставить неудачников в одних портках, или насыпать в обувь битое стекло и споры ядовитой колючки – это была лишь часть цитадельных забав. И Ран очень быстро научился спать вполглаза, держать рядом отцовский кинжал и никому не доверять…

Тогда и появилась Облачная Вершина. Место ярости.

Но сейчас она не помогала. Уже почти год не помогала. Ревущий водопад исчез, его место заняла выжженная и засыпанная пеплом пустыня. Здесь было тихо. Равнодушно. Никак. Здесь не было того, чего желал Лавьер, не было силы и мощи, не было ярости, эта пустыня сводила с ума своим безразличием. Она была с ним уже много месяцев, с того самого дня, как он отдал силу, пытаясь исцелить…

Оникс.

Имя прозвучало в голове, вышвыривая Лавьера из состояния транса и ударяя о грязные доски дешевой забегаловки почти физически. Он открыл глаза, уставившись невидящим взглядом в трухлявые потолочные балки, черные от копоти лампы и жаровню, согревающую комнату. На балках пылились серые занавеси паутины и сновала любопытная мышь.

Лавьер снова закрыл глаза. Но войти в состояние транса повторно не получалось. Внутри бился образ, и избавиться от этого наваждения Ран не мог.

Она почти не изменилась…

…Ветер прислал весть с посыльным. Мальчишка просто оставил возле очага в путевом доме моток ниток. Для случайного путника или любопытных глаз – ничем не примечательный кусок бечевки, слегка замусоленной и грязной. Но для Лавьера вполне понятное письмо.

«Есть новости. Северные ворота Града. Закат».

Он знал, что Ветер будет ждать его каждый день, пока Лавьер не появится. Ран прикинул варианты. Доверял ли он Ветру? Да, на ту долю, на которое вообще возможно доверие между учениками Цитадели.

И все же решил прийти.

И хмыкнул, увидев место, что выбрал Ветер. За воротами Града пестрыми лоскутами кибиток и яркими сполохами костров расположились бродячие артисты. Трупп было несколько, в каждой не менее трех десятков человек, здесь же устроились бродяги, нищие и попрошайки, блаженные и пилигримы, что часто следуют за такими кочевыми театрами. Из города уже набежали беспризорники и просто любопытствующие, и разобраться в такой толпе, кто есть кто, стало совершенно невозможно. А это значило, что Ветер сделал все для доказательства бывшему Верховному собственной лояльности. У Рана не было дара, но навыки никуда не делись, он привычно осмотрел территорию и людей. Стражей здесь не было, только чуть хмельная и веселая толпа. И когда он устроился у одного из костров, на гостя почти не обратили внимания. Лишь закутанный в серый плащ бродяга молча подвинулся, освобождая Лавьеру место, но лица, скрытого капюшоном, так и не повернул.

У кибитки танцевала толстуха, вскидывая пухлые коленки, прицокивая и потрясая ладонями со звенящим браслетом. Рядом топтался грязный мужичок, деревянный разрисованный кругляш на груди которого, видимо, изображал императорский медальон.

– О, любимый, о Светлейший Владыка Ошар! – взвыла толстуха, падая на колени. – Возьми меня в жены, сделай своей императрицей!

– Поди прочь, презренная, – сильно картавя, отозвался «император». – Всех заморских прелестниц мне милее раяна! Ее лицо словно лепесток белой розы, а глаза – синь волшебных озер. На спине ее расцвел цветок, что пленил меня!

Толстуха вскочила и запрыгала вокруг «императора», тот лениво отмахивался от ее «соблазнения».

– Вижу, у народа новая байка? – негромко протянул Лавьер.

Сидящий рядом бродяга кивнул, не поворачивая головы. Правильно, не стоит смотреть Верховному в глаза, даже бывшему.

– Раяна и владыка – основной сюжет всех представлений, – так же тихо ответил мужчина.

– Занятная сказка, – хмыкнул Ран. – И как? Верят в нее?

– Вполне. Людям надо во что-то верить, главное – дать им необходимые сведения… Через три дня на городской площади Светлейший представит народу свою избранницу. Раяну, освободившую империю от тирана. Говорят, ее лори стал цветным.

– Говорят?

– Очень настойчиво говорят. И случилось это благодаря принцу Ошару. Раяна полюбила его, и лори окрасился.

– Забавная сказка.

– Как и все сказки. Если народ примет девушку, то в день солнцестояния состоится брачная церемония. – «Бродяга» помолчал. За его спиной не раздавалось ни звука, даже дыхания своего собеседника Ветер не слышал.

– Значит, свадьба, – бесцветно произнес Лавьер. – Возможно, даже Ритуал Теней?

– Ритуал Теней? – Ветер чуть слышно хмыкнул.

– Почему бы и нет? Древняя традиция, немного… безнравственная, зато зрелищная. Почему бы Светлейшему Владыке не взять молодую жену в присутствии своего двора и жрецов?

Ветер нахмурился. Ему хотелось повернуться, чтобы посмотреть в глаза собеседнику, но он, конечно, не стал.

– К тому же это даст всем столько пищи для разговоров и ума, что хватит до следующего лета. Неплохая мотивация, верно? Нельзя отбирать сразу и хлеб, и зрелище, вы ведь знаете… – «Бродяга» чуть слышно усмехнулся. – Древние ритуалы, возвращение к истокам, почитание предков… Хорошие основы для упрочения власти. Проверенные.

– Вы, несомненно, правы, Верховный.

Мужчины замолчали, глядя на актеров у кибитки. Где-то залаял бродячий пес, на него шикнули, замахали руками. В соседней труппе репетировали драму, и кто-то подвывал под унылый аккомпанемент однострунной виолты.

«Бродяга» склонил голову.

– Что вы прикажете делать?

Лавьер поправил платок, скрывающий его лицо до самых глаз.

– Ждать.

– Но… – Ветер осекся и замолчал. Чуть повернул голову. – Мы готовы, Верховный.

– Я знаю. Ждите. – Ран поднялся, по-прежнему оставаясь за спиной у своего знакомого. Кончики кинжалов привычно лежали в ладонях. – Я свяжусь с тобой.

– Стоит ли мне присматривать за девушкой? – спросил тот, кого называли Ветер. Он постоял, прислушиваясь. И кивнул сам себе, не оборачиваясь. Аида за его спиной уже не было.

…Грязные доски пола, черные и пыльные балки потолка.

И воспоминание. Он должен был уехать сразу после разговора с Ветром, но остался. Рискуя своей головой. Понимая, что хочет ее увидеть.

Он стоял в той толпе, среди кухарок и плотников, торговцев и бродяг, стражей и псов. Ждал. А потом подъехал экипаж, и она ступила на усыпанную лепестками землю, опираясь на руку молодого правителя. Синее платье. Распущенные белые волосы. Бледное лицо и чуть закушенная губа. Она делает так, когда волнуется. И тоска, ударившая Лавьера так, что стало нечем дышать.

Он смотрел, как Оникс идет по проходу, глядя лишь перед собой, как стоит на том помосте – слишком красивая и совсем замерзшая, как вздрагивает от летящих в нее камней. Понимал, что увидел достаточно и пора уходить. Что каждый миг на этой площади приближает его к казни. Что обязан уйти. И не мог это сделать. Так и стоял, глядя на нее, ощущая, как жгутом сворачиваются внутри чувства. Ненависть, желание, голод, злость, безумие… Все сразу.

Оникс.

Его выжженная и засыпанная пеплом пустыня.

Слишком много… всего.

А потом она его увидела.

Просто повернула голову и посмотрела ему в лицо.

…Лавьер сжал кулаки, перевернулся и с размаха впечатал руку в пол, сдирая кожу костяшек. В который раз он уже делает это? Боль порой помогала. Немного. Не так, как он хотел.

Иногда он желал забыть. Выдрать из себя, не вспоминать, не думать. Не мучиться от желания, которое невозможно удовлетворить. Не ждать ее. Проклятый архар, как же он хотел перестать ее ждать! Месяцами, каждую минуту. Он просыпался и не хотел открывать глаза. Втягивал напряженно воздух, надеясь уловить аромат. Делал осторожный вдох. Потом еще один, на случай если ошибся, хотя понимал, что это невозможно, что он почувствует ее аромат за сотню лье. Но нет, каждый раз в его нос ударяла лишь вонь дешевых путевых домов, забегаловок или случайных ночлежек. Плесень, сырость, сточное зловоние… Или запахи ненужных женщин, когда он срывался, когда пытался забыться… Все не то…

Аромата нежного цветка среди чужих запахов не было.

Как и самой Оникс.

В Лавьере не было сожаления или раскаяния, принимая решение, он лишь следовал ему и точно знал, что снова поступил бы так же. Но он верил, что все еще возможно изменить. Верил, что она придет.

Поэтому он явился на эту площадь. И на ней его вера закончилась. Оникс не откроет дверь к нему. Встретившись с ней взглядом, заглянув в затягивающую его синеву, Лавьер понял это совершенно точно. Раяна сделала выбор и к нему не придет.

Ран поднялся, отряхнул ладони.

Ну что же. Ждал он достаточно.

Через час из ворот столицы выехал одинокий путник, направляя коня в сторону Вересовой Впадины на севере от Темного Града.

Тракт закончился неожиданно, словно оборвался, но Ран и не подумал свернуть, продолжая гнать жеребца. Рысак устал от целого дня непрерывной скачки, но послушно несся вперед, лишь изредка пофыркивая и нервно ударяя хвостом по крупу.

Ран натянул поводья уже почти в чаще, в которой царила чернильная тьма. В зарослях изредка поблескивали звериные глаза, да ухал вдалеке филин.

У разлапистой сизой ели Лавьер остановился, спрыгнул на землю и дальше пошел осторожнее, ведя коня в поводу. Преграда появилась неожиданно – невидимая стена, не пропускающая посторонних. Ран снял перчатки, положил правую ладонь на препятствие, надавил. Стена под пальцами сгустилась, но поддалась. Лавьер снял с седла сумку, закинул поводья на ветку, чтобы конь не сбежал. Ран знал, что эта преграда впустит лишь его одного. Перекинул ремень мешка через плечо и шагнул вперед. Минута удушья и ощущения вязкости, словно вместо воздуха вокруг сгустился кисель, а после…

Темная тень метнулась справа, и Ран бросил туда мешок, раскрутив его за ремень, отвлекая внимание на движущийся предмет. И одновременно левой рукой ударил. Без оружия, кулаком, хотя вытащить клинок было делом мгновения.

– Для покойника у тебя неплохая реакция, Ран.

Нападавший рассмеялся, уклонился и снова сделал бросок. Лавьер пригнулся, и сразу – отвлекающий маневр правой, удар левой…

Попал. Мужчина, почти неразличимый в темноте, согнулся, хватая ртом воздух, но быстро выпрямился.

– А твоя левая по-прежнему слабее правой, Дух.

– Я тоже рад тебя видеть, – Дух хмыкнул, зажигая фитиль в лампе, поднял повыше. Протянул руку. – Слышал, тебя казнили, Верховный? Рад, что молва вновь преувеличивает.

– Тебя похоронили еще семь лет назад, Кристиан, – усмехнулся в ответ Ран. – Как вижу, тебе это тоже не мешает жить.

– Нисколько, – Кристиан Нерр широко улыбнулся. Темные, словно спелые вишни, глаза отразили свет ламп. Его левую щеку пересекали рваные шрамы, задевая уголок губ и придавая лицу выражение вечной насмешки. Тот, кого в прежние

времена звали Духом Сумеречных Врат, протянул руку бывшему Верховному. – Кстати, я задолжал тебе благодарность за собственные похороны.

– У тебя будет возможность меня отблагодарить, – кивнул Лавьер, и Кристиан стал серьезным.

– Все, что пожелаешь, Ран. Все, что в моих силах, Верховный.

Лавьер качнул головой. То, что он пожелает, Духу не понравится.

– Забери мою лошадь, Кристиан. Барьер вновь пропустил лишь меня, так что тебе придется вести ее в обход.

Глава 6

Лабиринта боялись все, даже наставники. Это Ран понял довольно быстро своим обостренным чутьем, что было присуще ему с самого детства. Откуда взялся лабиринт, никто толком не знал, среди учеников Цитадели о нем ходили байки, одна страшнее другой. Поговаривали, что его создал кто-то из наставников лет триста назад. Он начинался за оградой из светлого камня, оплетенной лозой и дикой розой, что никогда не цвела. За невысокой аркой виднелась кладка стены, просматриваясь до самого поворота. Это был первый виток лабиринта, единственный безопасный.

– Как думаешь, что там? – Линт пытался не показать вида, но расширенные при дневном свете зрачки, вытягивание шеи и суетливые попытки заглянуть за ограду выдавали напряжение, владеющее рыжим. Ран пожал плечами. Сам он стоял спокойно, не двигаясь и не пытаясь предугадать, что ждет их в переходах лабиринта. Он не видел в этом смысла – предугадывать. Не обладая даром прорицания и не имея исходных данных, это было напрасной тратой времени и сил. Любое предположение лишь останется таковым, но не приблизит к правде. Поэтому он молча ждал, зная, что кинжал ляжет в ладонь моментально, а сил его мышц хватит, чтобы убить.

Мальчишки у стены нервничали, лишь один стоял смирно, но выглядел не собранным, а оглушенным. Темные глаза мальчика казались переспелыми вишнями, почти по-девчоночьи красивое, смуглое лицо побледнело, став пепельно-серым.

– Смотри-ка, Нерр сейчас в обморок свалится, – преувеличенно громко захихикал Линт.

– Как бы ты сам не свалился, когда на тебя трехголовый монстр попрет, – хмуро отозвался с другой стороны косматый Брант.

– Ничего, я ему количество голов мигом уменьшу, – Линт демонстративно подкинул в руке топорик. Им разрешили выбрать любое оружие, и каждый взял то, что считал наиболее убойным. На взгляд Рана, выбор Линта был неудачным, но, конечно, он промолчал. Здесь каждый сам за себя.

– Эй, девочка, ты платочком запасся? А то ведь плакать начнешь, маму звать! Или вопить, как тогда, под лестницей. Помнишь? Или тебе тогда понравилось? Ну же, красавица, скажи хоть слово, не молчи!

Топорик снова сверкнул гранью на солнце.

Линт мерзко ухмыльнулся. О его неприязни к смуглому Кристиану Нерру знали все, но предпочитали в развлечения чокнутого рыжего не вмешиваться. Все-таки… каждый сам за себя.

Слова Линта оборвал скрип решетки, а пятеро мальчишек у витой створки вздрогнули и подобрались, когда она открылась.

– Всего лишь пройти один круг, – пробормотал Линт, нервно подкидывая на ладони свое оружие. – Только круг. Всего лишь…

– Заткнись, – оборвал его Брант. – Без тебя тошно. Кто первый?

Он обвел взглядом замерших мальчиков.

– Что, все струсили? Все равно ведь придется идти, кто не войдет, того заставят… – он осекся, повернул голову.

Пока он говорил, Ран уже прошел сквозь арку и сейчас уверенно двигался вдоль стены к повороту. Следом за ним неожиданно пошел молчаливый темноглазый Кристиан, побрел, слегка шатаясь и неуверенно трогая рукой кладку ограждения.

Остальные тоже двинулись вперед, нервно озираясь и ожидая нападения.

Но на них Ран не смотрел, он шел, сжимая в ладони рукоять кинжала и внимательно осматривая узкий коридор лабиринта. Прислушался у поворота. И шагнул… в темноту.

Дневной свет померк, вокруг разлилась тьма, в которой лишь камни светились тусклыми зеленоватыми крупинками. И в этой тьме кто-то ждал, смотрел жадно, протягивал белые руки, похожие на стебли растений. Они тянулись со всех сторон, пытались схватить, обвить, сломать… И темный дар Рана на них не действовал, у этих рук не было тел, не было лиц, в которые можно было посмотреть. Мальчик ударил кинжалом первую, вторую, третью… Он бил снова и снова, сжимая зубы и пытаясь пробиться к выходу, что был где-то там, за стеной хватающих его рук. Удалось, и он метнулся в сторону, ударился ногой о торчащий камень, ругнулся, кувыркнулся, снова вскочил. Побежал, уворачиваясь от рук-стеблей, отсекая их кинжалом, пригибаясь и прыгая. На полном ходу вылетел на пятачок за поворотом и остановился так резко, что перехватило дыхание.

У стены стоял Кристиан, а у его ног бился на земле Линт, зажимая колотую рану в боку и пуская кровавые пузыри.

Мальчик поднял голову, посмотрел на Рана темными, как вишни, глазами. Его лицо все еще было бледным, но совершенно спокойным, как бывает у человека, хорошо сделавшего неприятную, но нужную работу. Красивое лицо рассекали уродливые порезы, и кровь заливала рубашку. Два подростка уставились друг на друга, словно звереныши, почти принюхиваясь и оскаливаясь, пытаясь распознать и предотвратить нападение другого.

Ран выпрямился первым. Медленно кинул, пожал равнодушно плечами и прошел мимо, чувствуя, как смотрит ему в спину мальчик.

А на выходе из лабиринта не сказал наставникам ни слова.

Каждый сам за себя. Но иногда молчание становится началом чего-то большего.

* * *

Выйдя из купальни, Оникс застыла у двери. Пока она пыталась прийти в себя, ее комнаты вновь заполнились прислужницами.

– Я хотела бы побыть одна, – сказала Оникс, с отвращением разглядывая свои покои.

Никто из женщин даже не повернул голову в ее сторону, продолжая деловито заниматься своими делами: перестилать постель, отдергивать шторы, рассматривать содержимое шкафов и стряхивать пыль с сундуков. И все это – переглядываясь и переговариваясь, словно самой раяны и не было в этой комнате.

– Прошу вас уйти, – Оникс чуть повысила голос, чувствуя себя глупо. На ней была лишь купальная рубашка, с волос капала вода, и чувствовать себя уверенно в таком виде не получалось.

Может, поэтому на нее вновь не обратили внимания. Одна из женщин даже позволила себе усмехнуться.

Оникс прикрыла глаза. Открыла. Набрала воздух. И заорала так, что все прислужницы взвизгнули и подпрыгнули, роняя свои метелки.

– Я сказала – пошли все вон!!!

Старшая, кажется, ее звали Магрет, скривилась, поджав тонкие губы.

– И не надо на нас кричать, мы всего лишь делаем свою работу, – возмутилась она.

– Я хочу, чтобы вы ушли. – Оникс с трудом сдерживалась, чтобы снова не заорать. – Хочу остаться одна!

– Не велено, – вновь поджала губы Магрет.

– Кем не велено?

Прислужницы переглянулись, и Оникс сжала кулаки, ощущая, как поднимается внутри ярость. Небесные! Неужели ее не могут просто оставить в покое? Хоть ненадолго? Да за что с ней так?

– Уходите. – Голос прозвучал сипло. – Прошу вас. Мне надо побыть одной! Мне надо, понимаете?!

– Не велено.

Она открыла рот, понимая, что сейчас снова заорет, что не сдержится, что начнет топать ногами, как торговка рыбой, что просто сейчас убьет кого-нибудь, если ее не оставят одну!

И замерла, потому что дверь скрипнула, а прислужницы, как одна, склонились в поклоне.

– Вам-то что здесь надо? – почти простонала Оникс.

– Милая непосредственность простолюдинки, – усмехнулся советник Итор, ступая в покои. Скривился брезгливо на прислужниц. – Пошли вон.

И уже через мгновение в комнате никого не осталось.

Мужчина прошел на середину покоев и остановился, разглядывая замершую у дверей купальни девушку. Чуть прищурившись, словно рассматривал потертое и неприглядное кресло, которое ушлый лавочник пытается выдать за редкость.

– Мне кажется, вам не место здесь. – Оникс вскинула голову. – И если вы не заметили, я не одета. Что вам нужно?

– Вернее было бы сказать, что вам от меня нужно, – задумчиво протянул советник.

– Мне? Ничего. – Оникс все-таки не сдержалась и обхватила себя руками, желая и согреться, и закрыться от изучающего взгляда. Анрей Итор коротко усмехнулся.

– Даже не знаю, чего в этом ответе больше – наивности или глупости, – обронил он. – Всем что-то нужно, раяна. Тем более от тех, кто обладает силой и властью.

– Вы ошибаетесь. Все, что нужно мне, это покой. И свобода.

– От кого? – мягко произнес Итор.

– Ото всех! Всех вас! Как же я вас всех… – она осеклась и замолчала, отвернувшись. Стащила с кровати покрывало, завернулась в него, прячась от мужского взгляда.

Советник подошел ближе, и Оникс с трудом заставляла себя оставаться на месте, а не рвануть в купальню.

– Ото всех? Не думаю. – Советник остановился совсем рядом, так что она почти чувствовала тепло его тела. Наклонил голову, заглядывая в синие глаза девушки. Его дыхание коснулось ее виска, и раяна дернулась, желая отодвинуться. Но советник к ней не прикоснулся. – Ты бежишь лишь от одного человека. Только от одного… Почему твой цветок сегодня раскрылся? Скажи мне, Оникс.

– Я не знаю.

– Разве? – он склонился еще ниже, так близко, словно хотел поцеловать. – Разве не знаешь? Может… ты вспомнила? Или увидела? Его. – Дыхание щекотало кожу. – Того, кого ты не можешь забыть, как ни стараешься.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Твое сердце учащает свой ритм, когда я говорю о нем… Ты боишься, раяна? Или ждешь? Что произошло сегодня на площади?

– Я уже все сказала!

– Ты не сказала ни слова правды.

– Мне нечего добавить!

– Почему цветок открылся, Оникс? Скажи мне! Из-за того, что ты увидела в толпе Рана Лавьера? Так?

Девушка гневно посмотрела в светло-серые глаза мужчины, прищурилась.

– У вас отличное воображение, советник. С чего вы это взяли?

– Ты упряма, – в голосе Итора скользнула насмешка. – Цветок открылся из-за него? Или будешь и дальше врать?

– Вы ошибаетесь! – Оставаться на месте становилось все труднее, но неожиданно советник отошел, словно потерял к девушке интерес.

Оникс вздохнула с облегчением.

– И все же тебе стоит подумать о моих словах, – обронил он, неспешно направляясь к двери.

– Каких? – не поняла раяна.

Он на ходу поправил пышные манжеты и вышел, не ответив. Оникс медленно сползла по стене и обхватила голову руками. Она не понимала, что происходит вокруг нее, лишь осознавала, что попала в водоворот дворцовых интриг, в которых она лишь маленькая соринка. И как выбраться из этой губительной воронки, она не представляла.

Зачем являлся советник? Чего хотел от нее? Непонятно.

Одно радует, после его визита прислужницы в покои Оникс не вернулись, оставив наконец девушку в желанном одиночестве.

* * *

– Назови мое имя, раяна.

Она сопротивляется. Все еще сопротивляется, хотя его губы заставляют тело девушки дрожать, выгибаться и истекать любовным соком. Он любит ее вкус, любит чувствовать на языке терпкость ее желания, любит доводить до той точки, когда ее сопротивление становится беспомощностью, а после – страстью. На этот раз он использует пальцы, потому что хочет смотреть ей в глаза. Видеть, как туман наслаждения застилает их синеву, как приоткрываются упрямо сжатые губы, как запрокидывается голова. Конечно, она снова скажет, что ненавидит его.

И тогда он уберет ладонь от ее лона, прижмет палец к ее губам.

– Не хочешь? Правда? Оближи, Оникс. Возьми в рот и оближи.

Она тяжело дышит, смотрит со злостью. Но губы открывает и проводит языком. Потом в синей бездне ее глаз появляется что-то новое… и девушка медленно втягивает его палец в рот, выталкивает языком, снова втягивает…

– Думаешь, только ты умеешь дразнить, аид?

Игра? Оникс хочет поиграть? С ним?

Что лишает его остатков разума – понимание этого или ощущения? Влажность шелкового языка, губы, посасывающие его палец…

Он откатывается рывком, встает у кровати, не отрывая тяжелого взгляда от раяны. Манит ее пальцем, указывая вниз. И она улыбается. Медленно, насмешливо, встает на колени, а потом скользит по меху покрывала, словно

кошка, выгнув спину и отставив круглые ягодицы. Приближается к краю, смотрит снизу вверх. От ее позы, от подчинения у него перехватает дыхание. Оникс подползает еще ближе, теперь ее пухлые губы так близко… И так хочется почувствовать их…

Но он не двигается с места. Лишь смотрит на нее, такую…

– Оникс…

…Проснулся от собственного стона. Тело в испарине, губы сухие, и желание так сводит с ума, что дышать больно. Эти сны доводили до безумия. И самое страшное, что он не хотел просыпаться. Иногда ему в голову даже закрадывалось желание надышаться запрещенным дурманом, что привозят контрабандисты из Черных земель. Его дым погружает в сон, сладкий сон, который так реален. Этот сон все длится и длится, он может продолжаться сутками, пока тлеет палочка дурмана.

Пристрастившиеся к нему умирают от истощения, потому что не едят и не пьют, они грезят и подыхают с блаженной улыбкой на иссохшихся лицах.

А другие сходят с ума, отказываясь возвращаться в бренный мир и желая вновь оказаться в стране своих снов.

И Лавьеру казалось, что он в шаге от этих безумцев. Оникс снилась ему, и ему хотелось остаться в реальности сновидения. Там он был почти счастлив.

Ран выругался сквозь зубы, перекатился, встал с кровати, направляясь к купальне.

Надо выбросить раяну из головы. Слишком много дел, чтобы думать о ней. Или чтобы чувствовать.

* * *

– Итак, что я должен делать?

Дом Кристиана Нерра – двухэтажный и основательный – был похож на своего хозяина, бывшего сумеречного, похороненного семь лет назад. Когда-то Верховный аид империи лично «убил» пса. И был единственным, кто не только знал о его воскрешении, но и мог пройти преграду, окружающую огромную территорию в лесах Вересовой Впадины, принадлежащей «покойнику».

– Ты неплохо устроился, – Лавьер остановился напротив кабаньей головы, что скалилась на него со стены. Рядом косил стеклянными глазами дикий медведь.

– Не жалуюсь, – Кристиан налил в глиняную кружку вино. – Здесь точно лучше, чем в Цитадели. Или на службе у императора. Что прежнего, что нынешнего. Ты же знаешь, мне честолюбия не досталось при раздаче. Я вполне доволен жизнью отшельника.

– Что знаешь об изменениях во дворце? – Лавьер продолжал рассматривать звериную пасть.

– Слухи, – усмехнулся Кристиан. – Порой приходится выбираться в ближайший городок. Там разное болтают. Я предпочел бы узнать из первых уст.

Ран пожал плечами.

– Темный Владыка превратился в мумию, престол занял Ошар, как мы и предполагали. Но мальчишка слишком слаб: ни силы, ни влияния, ни поддержки. Сам знаешь, кто стоит за его плечами.

Кристиан мрачно кивнул.

– Главное, чтобы наш владыка не породнился с какой-нибудь принцессой из Чиара, – обронил Кристан. – Тогда он получит и поддержку, и дополнительные войска.

Ран усмехнулся.

– Не породнится. По крайней мере, в ближайшее время. Светлейший Ошар выбрал себе невесту. Раяну, сразившую Темного тирана.

Кристиан приподнял вопросительно бровь.

– Я думал, это вранье.

– Правда порой занятнее любой байки.

– Хм, – Кристиан сделал глоток вина, прищурился. – То есть свадьба будет?

– Несомненно, – Лавьер отвернулся от кабаньей головы и сел напротив Кристиана. – Ну а теперь к делу. Мне нужна твоя поддержка. А для начала перенос, Дух.

Кристиан нахмурился.

– Но с тобой это невозможно, мы ведь уже пытались. Твой темный дар не позволит, сожжет меня, как только я попытаюсь…

Лавьер налил себе вина, выпил одним глотком. Только Кристиану он и мог сказать эти слова.

– Это не проблема теперь. Моего дара больше нет.

Выросший в цитадели Сумеречный пес не смог удержаться от изумления.

– Что?

– Я развернул его, чтобы спасти… кое-кого. И выгорел после этого. Полностью.

Кристиан медленно поставил на стол кружку. Выражать сочувствие он не стал. Ран Лавьер не выносил сочувствия и не нуждался в нем.

– Что же, в таком случае перенос может получиться. Когда начнем?

– Прямо сейчас. Для начала нужен кратковременный, на несколько минут. Давно не был во дворце.

Он усмехнулся, снял рубашку и сел на пол, сложив кончики пальцев.

– Сколько тебе нужно на вхождение в транс?

– Десять минут.

– Хорошо. – Кристиан кивнул. – Я жду. Ты помнишь, что для слияния нужен тот, кого ты знаешь лично и с кем хоть однажды был в физическом контакте? Достаточно прикосновения.

Лавьер кивнул, и Кристиан отошел к шкафу, достал длинную холстину и нож.

– Кстати, тебе это удалось? – небрежно бросил, не поворачиваясь, разрезая ткань на длинные полосы. – Девушка выжила?

Ран не открыл глаза, но все же ответил, хотя Кристиан был готов услышать тишину.

– Да. Выжила. И скоро станет новой императрицей.

Дух развернулся, кинул на сидящего мужчину острый взгляд. Но больше задавать вопросов не стал. Он и так спросил слишком много, пользуясь правом старого друга.

Лавьер закрыл глаза, усмиряя бурю своего сознания. Безжалостно давя чувства, отсекая мысли, образы, воспоминания. Ничего не должно остаться внутри, ничего не должно отвлекать.

Через обозначенное время в голове стало пусто. Он открыл глаза, спокойно разрезал запястья и опустил руки.

– Ом. Хана отава. Саматхи. Сурах. Ом… Шаонта Рана. Арохаминтар…

Слова звучали в голове, но они не несли с собой образов, не были окрашены ощущениями. Пустые оболочки без сути, погружающие в транс с каждым толчком сердца, с каждым выплеском крови…

* * *

– Госпожа Оникс, Светлейший Владыка приглашает вас на прогулку в зимний сад.

Прислужница присела перед раяной, отвлекая от чтения. Оникс отложила книгу и встала из кресла.

– Я с радостью приму приглашение повелителя, – ответила она, поворачиваясь к двери.

И не солгала, ей действительно нужно было поговорить с Ошаром, а после поездки на площадь пять дней назад она его ни разу не видела. Владыка покинул дворец, а саму Оникс загрузили занятиями так, что ей некогда было вздохнуть. Кажется, дай госпоже Олентис волю, и она третировала бы раяну круглосуточно.

Даже сейчас Оникс читала список геральдических линий и пыталась разобраться в сложной иерархии империи.

Из ее скромной обители в горах жизнь придворных всегда виделась эдаким бесконечным праздником, но оказалось, что это тяжелый труд!

– Я готова.

Служанка кивнула и пошла впереди. За дверью их снова взяли в кольцо стражи. Оникс уже почти привыкла, что они сопровождали ее везде, куда бы раяна ни пошла. Не прикасались, даже почти не смотрели, обшаривая взглядами пространство вокруг, но всегда присутствовали.

В зимнем саду дворца Оникс еще ни разу не была и сейчас застыла пораженная. За высокими арочными дверьми расположился кусочек лета. Воздух пах пряными травами и нектаром, от многоцветия цветущих деревьев и кустов зарябило в глазах. Здесь даже порхали стайками бабочки и чирикали на ветвях крошечные птички. Раяна восторженно застыла возле ветки, рассматривая оранжевую пичугу с синими крылышками.

– Правда, красивая? – Она повернулась на голос Ошара и присела в реверансе. – Это клири, живут только на Свободных Островах. Такие яркие и совсем не боятся людей. Протяни руку, Оникс.

Раяна покосилась удивленно, но послушалась. Птичка склонила голову, подпрыгнула на ветке и слетела с нее, опустившись на ладонь девушки.

– Ой, – подпрыгнула Оникс и рассмеялась. – Действительно не боится! Никогда таких не видела!

– В наших краях для клири слишком холодно, – улыбнулся Ошар.

Птичка клюнула ладонь девушки и, не найдя угощения, вспорхнула обратно на ветку.

– Пройдемся, – владыка кивнул на дорожку между цветущих кустов. Оникс кинула на него внимательный взгляд. Ошар снова выглядел уставшим, и тени под глазами углубились.

– Я слышала, вы уезжали?

– Ты, – поправил Светлейший. – Мы ведь договаривались, Оникс.

– Никак не могу привыкнуть, – пожала плечами раяна. – Так ты куда-то уезжал?

– Да. В Шрафруте начались волнения на шахтах, к сожалению… Это город недалеко от Темного Града, слышала о нем? Пришлось… принять меры, – Ошар поморщился, показывая, насколько устал от таких забот. Но сочувствовать ему Оникс не стала.

Они дошли до небольшого искусственного водопада, с темных камней падала в чашу хрустальная вода. Стражи застыли под деревьями, на расстоянии, достаточном, чтобы не слышать их разговор.

– Оникс, я понимаю, что ты на меня злишься, – Ошар повернулся к ней лицом. – Винишь меня и обижаешься. Но поверь, мне тоже не нравится многое из происходящего. Увы, я вынужден так поступать. Я – правитель и не могу

позволить себе проявлять… мягкость. Меня сочтут слабым.

Оникс промолчала, надеясь, что ее лицо не выражает эмоций. Ошар вздохнул, его взгляд стал виноватым.

– Постарайся понять меня. И помочь. Наступили трудные времена, нам надо объединиться, чтобы выстоять. А после…

– После? – вскинулась Оникс. – Что – после?

– Я тебя отпущу, если захочешь, – произнес владыка.

– Отпустишь? Ты говоришь мне правду? Я стану свободной? – надежда сдавила грудь так, что стало нечем дышать.

– Когда я тебе врал? – криво усмехнулся Ошар. – Помнишь, я дал тебе кристалл, чтобы ты могла убежать? Даже тогда я пытался тебе помочь, Оникс! А ведь я рисковал своей жизнью, жизнью наследника трона! Помнишь?

Раяна промолчала. Помимо кристалла она помнила еще и пожар, в котором чуть не погибла. Но об этом она говорить не стала – ни к чему.

– Так вот, ты должна помочь мне, Оникс, – Ошар взял ее ладонь, сжал в своей руке. Раяна постаралась не заскрипеть зубами. – Помочь отстоять империю. А после… станешь свободной и отправишься куда пожелаешь! Ты поможешь?

Как будто у нее есть выбор!

– Я постараюсь, мой повелитель, – Оникс выдавила улыбку.

– Я знал, что ты умная девушка, – оживился Ошар. – Лори раскрывался снова?

Она отрицательно качнула головой.

– Пытайся его открыть! – настойчиво потребовал владыка. – Пытайся! Нам нужна сила лори, понимаешь? Народ не очень любит меня… к сожалению. Даже

придворные позволяют себе… разное. При отце такого не было. А с тобой и цветком мы получим всеобщее поклонение!

Оникс проглотила фразу о том, что не любят Ошара вполне заслуженно, за что его любить? Он и сейчас пытается решить свои проблемы за счет раяны. Но она промолчала и даже изобразила теплую улыбку. В конце концов, пора и ей научиться хитрости в этом логове притворщиков!

– Я пытаюсь, мой повелитель, вы ведь понимаете? – Оникс томно опустила ресницы. – Но… я ничего не знаю о цветке! Раньше о нем и говорить было страшно, не то что спрашивать! А кто знал о нем, давно умер! Но ваш советник Итор упомянул, что во дворце есть хранилище знаний. – Ее лицо приняло мечтательное выражение. – Если бы Светлейший позволил мне его посещать… – еще один томный взгляд. И Ошар уже не отрываясь смотрит на ее губы. – Я могла бы найти там полезные сведения о лори! И научиться им управлять. Ты позволишь мне это?

– Что? – Светлейший осоловело моргнул. – А, хранилище. Да, оно есть. Но…

– Ошар, – Оникс попыталась удержать на лице нежную улыбку, хотя больше всего ей хотелось ударить владыку коленом в пах, чтобы стереть с его лица выражение зарождающейся похоти. Но кроме привлекательной внешности у раяны не было другого оружия, а значит, она будет использовать то, что есть. Ей необходимо выжить. И освободиться. – Ты ведь сам говоришь, что мы должны помогать друг другу. Я хочу этого! Помочь тебе стать сиятельным правителем, который войдет в историю! Ты сможешь это, ты достоин этого! И лори – наш шанс, ты ведь сам сказал? Ты позволишь мне искать сведения о нем? Позволишь?

Она придвинулась ближе, снизу вверх заглядывая в глаза владыки. На миг показалось, что Ошар сейчас рассмеется и скажет: ты плохая притворщица, Оникс… Но нет. Он смотрел на ее губы, и на мужском лице уже явно читалось желание. Значит, не замечает, как ей противно и гадко, не видит презрения в ее взгляде. Вот и хорошо!

– Ошар? Я могу ходить в хранилище?

– Да, – выдохнул он. – Можешь. Я распоряжусь. Ты права, Оникс…

Она мило улыбнулась и попыталась отодвинуться, но мужская рука притянула ее к телу владыки.

– Знаешь, я думаю, наше сотрудничество может быть очень приятным, Оникс. Ты так красива…

Раяна скрипнула зубами. На продолжение она не рассчитывала.

– Возможно, – потупилась. – Но… Я должна к тебе привыкнуть. Ты ведь понимаешь?

Она поморгала, со злостью пытаясь выдавить хоть одну слезинку. Небесные заступники, помогите! Кажется, она совсем разучилась плакать…

– Ты ведь не станешь меня принуждать, правда? – еще один взгляд из-под ресниц. Как же трудно притворяться! – Ты мне нравишься, Ошар. Ты такой сильный, умный, мужественный… Но…

– Я все понимаю, – самодовольство отразилось в голубых глазах Светлейшего. – Ты привыкнешь, Оникс. И научись скорее управлять цветком, он нужен мне. Думаю, я заслужил один поцелуй своей невесты?

Оникс опустила глаза, лихорадочно соображая. И пытаясь скрыть ненависть во взгляде. Оглянулась на молчаливых стражей. Вздрогнула. От застывших фигур Сумеречных псов словно повеяло могильным холодом, и на миг ей даже показалось… Она закусила губу. Заступники, что за бред? Ей показалось, что под осыпающимися лепестками дерева стоит Лавьер. И его зеленые глаза прожигают в раяне дыры и рвут на части.

Но там был лишь коренастый бородатый мужчина, не имеющий ничего общего с внешностью аида.

Она сходит с ума. О небесные…

– Но мы не одни… – пролепетала она, пытаясь отстраниться.

– Это всего лишь слуги, – небрежно улыбнулся владыка. – А нам надо привыкать друг к другу. Почему бы не начать прямо сейчас?

– Возможно… – она вновь обернулась на деревья. Конечно, лишь псы, их стражи…

Повернула голову и застыла, потому что ждать Ошару надоело и он ее поцеловал. Прижался к ее губам, языком попытался открыть ей рот. Оникс напряглась, дернулась, пытаясь сдержаться и не заорать. Убеждая себя потерпеть. Ей надо потерпеть! Ведь это всего лишь поцелуй, ничего страшного. Просто соединение ртов, не более того…

Ее никто никогда не целовал, кроме… Лавьера. Ничьи губы не касались ее. И возможно, поцелуй Ошара поможет? Сумеет стереть из памяти ласки другого мужчины, сумеет обесцветить их?

Она замерла, прислушиваясь к своим ощущениям. Но чувствовала лишь желание отодвинуться, сбежать, прервать эти влажные толчки чужого языка, что рождали в ней рвотные позывы. Ей было противно. Мерзко. Гадко.

И даже Ошар, похоже, это почувствовал.

– Оникс, какая же ты вкусная… – его голос стал сиплым. – Иногда я понимаю Лавьера… Наш брак станет удовольствием, дорогая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/dlya-kogo-cvetet-lori

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити